

ПРЕДИСЛОВИЕ

В октябре 1961 г. в СССР активно шла подготовка к очередному XXII съезду КПСС, который впервые должен был проходить в только что построенном в Кремле новом Дворце съездов. Вся страна в течение нескольких месяцев обсуждала новую программу КПСС, которую предстояло принять съезду, в средствах массовой информации звучал дружный хор, прославлявший достижения СССР под руководством коммунистической партии. Особое внимание было привлечено к фантастическим перспективам, провозглашенным советскими лидерами: через 20 лет в СССР предполагалось построить основы нового коммунистического общества. В многочисленных интервью и выступлениях первый секретарь ЦК КПСС и председатель правительства страны Н.С. Хрущев рассказывал об успехах советской внутренней и внешней политики.

И действительно, на первый взгляд у КПСС были все основания для гордости. За последние годы экономика СССР успешно развивалась, были построены новые заводы и фабрики, завершён переход на всеобщее восьмилетнее школьное образование, началось массовое жилищное строительство (знаменитые «хрущевки»), в целом повысился, хоть и ненамного, уровень жизни населения. Советский Союз стал первой в мире державой, которая запустила в космос сначала спутник, а затем и космический корабль с человеком на борту. На международной арене СССР удалось «сохранить лицо» в решении самой сложной, «германской проблемы»: благодаря постройке стены в центре Берлина в августе 1961 г. Н.С. Хрущев смог отложить на время свое обязательство заключить мирный договор с ГДР, которого требовал от него руководитель Восточной Германии В. Ульбрихт и который вполне мог привести мир к новой войне. Продолжались переговоры о сокращении вооружений, прекращении испытаний ядерного оружия и т.п. Казалось, эти и другие подобные темы станут основным лейтмотивом всех выступлений на XXII съезде КПСС. Однако неожиданно для многих на первый план вышли вопросы, связанные с советско-албанским конфликтом, так называемой «антипартийной группой» и новым этапом критики И.В. Сталина. Причем эти три темы, в определенной степени взаимосвязанные между собой, оказались не просто в центре внимания советской и мировой общественности, но и, по сути, оттеснили на второй план (к большому неудовольствию кремлевского руководства) главную интригу съезда — принятие новой программы КПСС.

Широкое обсуждение на съезде советско-албанских отношений и участников «антипартийной группы» в какой-то степени можно было понять и объяснить. Н.С. Хрущев хотел открыто «наказать» Албанию за то, что она посмела занять «особую» позицию в коммунистическом лагере, и продемонстрировать всем, что Москва не будет терпеть такого непослушания. Несмотря на то что времена Коминтерна и Коминформа канули в лету, а на их место пришла более демократическая форма международных совещаний коммунистических и рабочих партий, КПСС отнюдь не собиралась отказываться от своего права выступать в международном коммунистическом движении в качестве хранителя истины в последней инстанции. Резкая критика вышедших из повиновения албанских руководителей, прозвучавшая на главном советском партийном форуме, преследовала и другую цель. Приглашенные на съезд лидеры других братских партий должны были как-то обозначить свою позицию по данному вопросу и тем самым продемонстрировать всему миру свою лояльность КПСС. Если не считать китайской компартии, которая и до съезда не раз занимала позицию защитника албанских коммунистов, то поставленная советским руководством цель была достигнута: даже те, кто постарались дистанцироваться от советской критики Албании и в кулуарах осторожно говорили о нецелесообразности вынесения данной проблемы на рассмотрение съезда, не рискнули открыто стать на сторону албанцев.

Что касается критики «антипартийной группы», то обсуждение этого вопроса на съезде в какой-то степени было также оправдано, поскольку эта схватка за власть развернулась, как любили говорить советские руководители, в «отчетный период» после XX съезда КПСС (XXI съезд, прошедший в 1959 г., был внеочередным, и на нем не рассматривался отчет Центрального Комитета партии^а). Правда, возникал вопрос, почему столь много внимания уделялось этой теме, если учесть, что «антипартийная группа» была разгромлена более четырех лет назад и уже давно не представляла никакой реальной угрозы для единоличной власти Н.С. Хрущева. Конечно, главный «антипартиец» В.М. Молотов продолжал «упорствовать в своих заблуждениях» и даже осмелился выступить с критикой отдельных пунктов новой программы КПСС, за что в ходе заседания Президиума ЦК было предложено «на съезде разделить его»^б. Но столь массивной атаки на всех участников «антипартийной группы», состав которой к тому же благодаря выступлению Н.С. Хрущева на съезде был максимально расширен, мало кто ожидал.

И уж совсем неожиданным для многих стал новый этап антисталинской критики, который Н.С. Хрущев начал в отчетном докладе, а затем значительно расширил и усилил в своем заключительном слове по итогам выступлений делегатов съезда. Впервые тема культа личности И.В. Сталина и связанных с ним преступлений получила широкоую огласку за пять с половиной лет до этого. 25 февраля 1956 г.,

^а Как сказал в своем докладе Н.С. Хрущев, «двадцать первый съезд Коммунистической партии Советского Союза собрался для того, чтобы рассмотреть контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» (Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1959. Т. I. С. 9).

^б См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. I: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 529.

на следующий день после официального завершения работы XX съезда КПСС, состоялось еще одно, закрытое заседание, на котором могли присутствовать только делегаты съезда. Именно на этом заседании Н.С. Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях», ознаменовавшим начало масштабной кампании по борьбе с культом личности И.В. Сталина. Хотя формально доклад носил закрытый характер, последующее ознакомление широкого круга партийных и комсомольских деятелей с текстом выступления Н.С. Хрущева неизбежно сделало его содержание достаточно хорошо известным в различных кругах советского общества. А после того, как «секретный доклад» оказался за границей и был опубликован во многих странах мира, десталинизация охватила не только Советский Союз, но и все международное коммунистическое движение.

Выступление Н.С. Хрущева с критикой культа личности И.В. Сталина стало своеобразной кульминацией первого этапа десталинизации, которая фактически началась еще в 1953 г., сразу после смерти «вождя всех народов», и стала одним из важнейших факторов в борьбе за власть между различными группировками в руководстве партии. Целесообразность такого выступления еще до начала работы XX съезда ставилась под сомнение некоторыми партийными лидерами, сам текст доклада неоднократно перерабатывался, а реакция на него как в стране, так и за рубежом была далеко не однозначной^а. Формально поддержав стремление Н.С. Хрущева выступить перед делегатами съезда с осуждением И.В. Сталина, советская партийная элита по сути так и не решилась признать «секретный доклад» в качестве официального документа^б. Да и тот факт, что выступление Н.С. Хрущева состоялось уже после завершения работы XX съезда, придавал докладу полуофициальный характер и в дальнейшем неоднократно ставил под сомнение его «легитимность».

В последующие годы начатый Н.С. Хрущевым процесс десталинизации не получил сколько-нибудь широкого развития, ограничившись в основном проведением процесса реабилитации жертв политических репрессий. Отчасти это объяснялось тем, что критика культа личности И.В. Сталина начала быстро выходить из-под контроля партийного аппарата и все чаще обращалась против других оставшихся у власти вождей и даже против самой политической системы в СССР. Бурные события 1956 г. в странах Восточной Европы, которые также были не в последнюю очередь спровоцированы «оттепелью» в СССР и «секретным» докладом Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, послужили еще одним поводом для постепенного «замораживания» политики десталинизации. Уже в начале 1957 г. на приеме в посольстве КНР в Москве сам Н.С. Хрущев высоко отозвался о И.В. Сталине и его заслугах^с, а в декабре 1959 г., накануне празднования 80-летия И.В. Сталина, журнал «Коммунист»

^а Подробно о реакции в Советском Союзе и других странах на «секретный» доклад Н.С. Хрущева см.: Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы»).

^б Официально доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» был опубликован в Советском Союзе только спустя 33 года, в период «перестройки» (см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170).

^с Правда. 1957. 19 января.

опубликовал большую статью, в которой можно было прочесть, что Сталин был одним из «виднейших и активнейших деятелей нашей Коммунистической партии и международного коммунистического движения... выдающимся марксистским теоретиком, организатором, стойким борцом за коммунизм, верным марксизму-ленинизму и преданным интересам трудящихся... Он имеет большие заслуги перед партией, Советской Родиной и народом, перед международным коммунистическим и рабочим движением»^а. Об ошибках и преступлениях Сталина, не говоря уже о порочности созданной им системы, в СССР вспоминали все реже.

Именно поэтому новые выступления Н.С. Хрущева с критикой И.В. Сталина уже не на секретных, а на открытых заседаниях XXII съезда КПСС вызвали столь бурную реакцию в СССР и во всем мире. Перед делегатами и гостями съезда первый секретарь ЦК КПСС отчасти повторил обвинения в адрес И.В. Сталина, высказанные им в 1956 г., отчасти добавил новые сюжеты. Так, он подробно рассказал о самоубийстве С. Орджоникидзе и расстреле А. Сванидзе, о гибели руководителей Красной Армии, членов ЦК ВКП(б), о сомнительных обстоятельствах убийства С.М. Кирова и др. Как бы подытоживая эти рассказы, Н.С. Хрущев выступил на съезде с инициативой соорудить в Москве памятник, чтобы «увековечить память товарищей, ставших жертвами произвола»^б. Перед окончанием съезда по требованию ряда делегатов было принято постановление, в котором говорилось о выносе тела И.В. Сталина из Мавзолея, что и было сделано в ночь с 31 октября на 1 ноября. В тот момент, когда Н.С. Хрущев 31 октября закрывал XXII съезд КПСС, на Красной площади шли активные, но скрытые от посторонних глаз приготовления по переносу тела И.В. Сталина из Мавзолея в наспех выкопанную могилу у кремлевской стены.

Решение съезда о выносе тела И.В. Сталина из Мавзолея сделало возможным устранение и других остатков культа И.В. Сталина. Были переименованы города, носившие его имя, а также улицы, площади, колхозы и предприятия «имени Сталина». Многие памятники И.В. Сталину сносились еще после XX съезда, в частности был отправлен на переплавку громадный бронзовый памятник на Волго-Донском канале. Теперь же памятники и бюсты сносились повсеместно, и только в Грузии кое-где остались места с его именем или изображением.

В отличие от 1956 г., когда доклад о «культе личности» больше напоминал «информацию к размышлению» и не содержал никаких рекомендаций или указаний по дальнейшему развитию процесса десталинизации, в 1961 г. антисталинский курс съезда был облачен во вполне реальные нормативные формы. Вместе с тем следует отметить, что, во-первых, всё фактически свелось к элементарному «стиранию» И.В. Сталина из всех областей жизни советского общества: кроме уже упоминавшихся решений о выносе тела и переименованиях был ликвидирован Музей подарков И.В. Сталину, которые в спешном порядке либо раздавались в другие организации, либо вообще уничтожались; сталинские премии были переименованы в государственные; поднялась волна удаления имени И.В. Сталина

^а Коммунист. 1959. № 12.

^б Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 108. Л. 57 (см. также документ № 1.1.2 настоящего сборника).

из энциклопедий, учебников, научных статей и монографий, различных многотомных изданий и т.п. Причем нередко это делалось механически, бездумно, в результате чего возникали ситуации, когда из книг удалялось имя впавшего в опалу вождя, а его мысли, идеи и даже отдельные цитаты — оставались.

Во-вторых, советский бюрократический аппарат, привыкший, как шутили в СССР, «колебаться вместе с линией партией», стремился и в вопросе десталинизации быть «святое Папы Римского», что приводило подчас к парадоксальным ситуациям, вызывавшим недоумение даже в ЦК КПСС. Так, писатель В. Некрасов, автор знаменитого произведения «В окопах Сталинграда», в начале 1962 г. с возмущением сообщал в высший партийный орган страны, что те самые чиновники, которые пятнадцать лет назад яростно критиковали его за то, что в романе мало упоминается И.В. Сталин, теперь в ультимативном порядке требовали, чтобы он вообще убрал имя И.В. Сталина из своего произведения^а. Еще дальше в своем номенклатурном рвении пошли партийные и советские чиновники Сталинграда, когда было принято решение о переименовании города в Волгоград. По их предложению, у сотен тысяч людей, воевавших в годы Второй мировой войны под Сталинградом, в трудовых книжках и военных билетах запись «участвовал в боях на Сталинградском фронте» следовало заменить на формулировку участвовал в боях на фронте, проходившем в «районе обороны города Волгограда»^б. К счастью, эта инициатива своего дальнейшего развития не получила.

Возвращаясь к съезду партии, следует отметить, что Н.С. Хрущев отнюдь не случайно в своем заключительном слове уделил так много внимания вопросу борьбы с культом личности И.В. Сталина. В отчетном докладе критика культа была тесно увязана с критикой «антипартийной группы», члены которой были, в частности, обвинены в том, что они «несут персональную ответственность за многие массовые репрессии в отношении партийных, советских, хозяйственных, военных и комсомольских кадров и за другие явления подобного рода, имевшие место в период культа личности»^с. Выступавшие на съезде делегаты восприняли это как сигнал для начала новой атаки на В.М. Молотова и К^о и стали дружно рассказывать о преступлениях членов «антипартийной группы» в годы культа личности, не трогая при этом самого И.В. Сталина. Это заставило Н.С. Хрущева в заключительном слове на съезде вновь сосредоточить огонь критики непосредственно на И.В. Сталине, заявив о необходимости преодоления последствий культа личности.

Вторая волна десталинизации, поднятая на XXII съезде КПСС, была неоднозначно воспринята как в СССР, так и во всем мире. В Советском Союзе многие с удовлетворением отметили тот факт, что начавшаяся в середине 1950-х гг. так называемая «оттепель» получила свое дальнейшее продолжение, и Н.С. Хрущев пытается бороться с наследием сталинского режима. В то же время было немало и тех, кто не принял разоблачений Н.С. Хрущева, был не в силах переступить через свою

^а РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 141. Л. 21–24 (см. также документ № 2.3.12 настоящего сборника).

^б РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 207. Л. 7–15 (см. также документ № 2.3.18 настоящего сборника).

^с РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 90. Л. 30 (см. также документ № 1.1.1 настоящего сборника).

веру в «великого Сталина». Основная же часть советского общества хотя и с интересом, но в целом довольно спокойно отнеслась к борьбе Н.С. Хрущева с культом личности. За годы советской власти граждане СССР уже привыкли к тому, что вчерашний «герой страны» мог завтра стать «врагом народа», а расстрелянный «предатель и шпион» через некоторое время превращался в «невинную жертву незаконных политических репрессий». К тому же, если в 1956 г. страна действительно испытала настоящий шок от доклада Н.С. Хрущева, то спустя пять лет острота восприятия обществом новых хрущевских разоблачений несколько притупилась.

Не вызвала энтузиазма антисталинская кампания и в компартиях зарубежных стран. После того, как в 1956 г. международная общественность ознакомилась с текстом «секретного» доклада, многие компартии на Западе быстро растеряли своих сторонников. В 1961 г. ситуация стала еще более сложной, так как коммунистические лидеры и социалистических, и капиталистических стран все это время пытались доказать своим гражданам, что опубликованный на Западе доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС якобы является фальшивкой западных спецслужб. После новой волны критики И.В. Сталина на XXII съезде КПСС, о которой лидеров других компартий вновь, как и пять лет назад, никто заблаговременно не предупредил, и которая во многом повторяла озвученные ранее факты, придерживаться подобной линии было уже невозможно. Кроме того, в ряде социалистических стран на фоне критики культа И.В. Сталина возникли вопросы о культе личности местных партийных руководителей. Особенно это было заметно в ГДР: в ЦК КПСС поступали многочисленные сообщения о попытках восточногерманских коммунистов и рядовых граждан провести параллель между культурами личности И.В. Сталина и В. Ульбрихта. По информации советских дипломатов в Восточной Германии, в ряде районов страны прошли открытые выступления против В. Ульбрихта, на которых его называли диктатором, во многих школах ГДР учащиеся выступали против создания так называемых «Уголков Ульбрихта», а в Дрезденском округе пришлось даже распустить районный комитет Союза свободной немецкой молодежи, члены которого потребовали отставки В. Ульбрихта^а.

Что касается КПК, у которой в начале 1960-х гг. стали нарастать разногласия с КПСС, то китайские коммунисты открыто заявили, что еще в 1956 г. они выступали против критики И.В. Сталина, считая, что она наносит непоправимый ущерб международному коммунистическому движению^б. Руководители КПК еще раз подчеркнули, что, по их мнению, И.В. Сталин был выдающимся марксистом, который допускал в своей деятельности отдельные ошибки, и объективно оценить его политику можно будет только спустя много лет. Позицию КПК в данном вопросе разделяли и некоторые другие, прежде всего азиатские компартии.

^а См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 380. Л. 213–216 (см. также документ № 3.2.11 настоящего сборника).

^б В 1956 г. руководитель КПК Мао Цзэдун «объяснял» в Пекине советскому послу П. Юдину, что одной из причин событий в Польше и Венгрии стала непродуманная советская политика и критика Н.С. Хрущевым И.В. Сталина: «Ленин и Сталин были оружием коммунистического движения в борьбе с империализмом, одно из которых мы отдали империалистам и направили против себя» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 409. Л. 107).

Разумеется, возникает вопрос: чем руководствовался Н.С. Хрущев, начиная новый этап борьбы с культом личности И.В. Сталина? Была ли эта его инициатива (многое из сказанного им на съезде, особенно в заключительном слове, он ни с кем предварительно не согласовывал) стремлением окончательно освободить общество от сталинского наследия, или за этим стояли другие более сложные причины? Можно предположить, что очередной этап политики десталинизации, провозглашенный Н.С. Хрущевым на XXII съезде КПСС, стал своеобразной надводной частью огромного «айсберга» сложных социально-политических и экономических проблем, с которыми столкнулось советское руководство на рубеже 1950–1960-х гг.

В начале 1960-х гг., несмотря на победные доклады и рапорты, советская экономика стала испытывать незаметные на первый взгляд, но усугубляющиеся трудности. Беспрерывно проводившиеся Н.С. Хрущевым реформы управления народным хозяйством были не всегда продуманными и вносили путаницу и дезорганизацию в саму систему управления. В серьезном кризисе оказалось сельское хозяйство: так называемый передовой «рязанский опыт» в действительности оказался фальшивкой, а реальный выпуск сельскохозяйственной продукции был в несколько раз меньше, чем то, что указывалось в официальной статистике. Для увеличения сбора зерна было принято решение продолжить освоение целинных земель, что привело к новым отрицательным последствиям: появлению пыльных бурь и массовой гибели скота, который лишился многочисленных пастбищ. Тогда же Советский Союз предупредил своих партнеров по социалистическому лагерю, что уже не в состоянии обеспечивать их потребности сельскохозяйственной продукцией, а еще через год — впервые в советской истории — начал закупать зерно за границей.

Еще одним свидетельством проблем в советской экономике стала проведенная в 1961 г. девальвация рубля. Вопреки заявлениям советских лидеров, эта мера не слишком способствовала укреплению советской экономики. В 1960–1961 гг. в ЦК КПСС регулярно поступала информация о тяжелом положении со снабжением населения продуктами первой необходимости, включая хлеб и молоко, причем речь шла о таких крупных населенных центрах, как Новосибирск, Воронеж, Красноярск. В 1962 г. советское руководство было вынуждено поднять цены на продукты питания, что обернулось массовыми выступлениями в разных городах страны, апофеозом которых стали события в Новочеркасске.

Разумеется, Н.С. Хрущев был в курсе всех этих проблем. Но он знал также и о другом, более неприятном лично для него явлении. В той информации, что приходила в ЦК КПСС из различных регионов страны, в письмах трудящихся, в донесениях КГБ о настроениях в обществе все чаще возникали сюжеты, касавшиеся сравнения нынешней ситуации в стране с той, что была раньше, «при И.В. Сталине». Понятно, что человеческая психология устроена таким образом, что с годами забывается плохое, негативное, а память воспроизводит приятные моменты, но от этого советским руководителям было не легче. Особенно когда они читали сообщения о том, что среди населения очень популярны разговоры на тему: «После войны цены все время снижали, а сейчас их все время повышают» (имелось в виду, что еще до повышения цен в 1962 г. многие товары подорожали в результате денежной реформы 1961 г.). Или когда в письме на имя Н.С. Хрущева рабочие одного

из крупнейших заводов страны спрашивали: «Почему в начале 1950-х гг. обед на заводе стоил дешево и порция была большая, а сейчас все наоборот — и обед дороже, и порция меньше?». Фамилия И.В. Сталина, как правило, в таких случаях не упоминалась, но и без этого было понятно, что сравнения проводились со сталинским периодом, и эти сравнения были не в пользу современной власти.

В этих условиях Н.С. Хрущев опасался не столько возрождения сталинизма (фактически все советское руководство было сталинистским — кто-то более ортодоксальным, кто-то более либеральным), сколько усиления позиций своих политических противников. То, что Н.С. Хрущев, в отличие от И.В. Сталина, не уничтожил физически своих поверженных противников из так называемой «антипартийной группы», конечно, делало ему честь, но в то же время и создавало серьезную дополнительную проблему. В глазах значительной части советского общества В.М. Молотов, Г.М. Маленков и Л.М. Каганович продолжали оставаться верными последователями «великого дела И.В. Сталина», а их политическая опала рассматривалась многими как результат разногласий с Н.С. Хрущевым именно по сталинскому вопросу. К тому же для Н.С. Хрущева не было тайной, что в высших и средних эшелонах советских руководителей оставалась большая прослойка «тайных сталинистов», которые на словах поддерживали Н.С. Хрущева, но в действительности симпатизировали В.М. Молотову и его товарищам.

Возможно, именно поэтому Н.С. Хрущев не информировал своих коллег по Президиуму ЦК КПСС о подробностях своих планов по началу новой антисталинской кампании. Возможно, именно поэтому он обрушил столь мощный удар на уже давно разбитую «антипартийную группу», заставив участвовать в ее критике и других участников съезда. Причем как в критике И.В. Сталина, так и членов «антипартийной группы», основной упор делался на их участии в массовых репрессиях, что, по мнению Н.С. Хрущева, должно было произвести наиболее сильное впечатление и продемонстрировать всем, что речь идет не о сведении политических или личных счетов, а о разоблачении тяжких преступлений против народа и партии. Фактически Н.С. Хрущев хотел показать всем, кто ностальгировал по сталинскому прошлому, как плохо было в СССР при И.В. Сталине и как плохо было бы, если бы власть оказалась в руках В.М. Молотова и его сторонников. Можно сказать, что новый этап борьбы с культом личности И.В. Сталина стал для Н.С. Хрущева важной составной частью в борьбе за сохранение и укрепление своей собственной власти. Критика албанской компартии в данном случае также стала составной частью антисталинской линии XXII съезда КПСС. Разумеется, в советско-албанских отношениях накопилось много нерешенных вопросов не только в области идеологии, но и в сфере экономики, межгосударственных отношений и др. Вместе с тем сквозь многочисленные претензии, предъявленные лидерам Албании, четко проступало главное обвинение: ЦК АПТ выступил против курса XX съезда на десталинизацию, продолжал восхвалять И.В. Сталина и использовать внутри страны методы террора, запугивания и репрессий, которые были присущи периоду культа личности.

Вместе с тем можно предположить, что помимо всего перечисленного выше у Н.С. Хрущева, вероятно, существовал и некий скрытый, личностный мотив, вызвавший эту новую волну разоблачений Сталина. Если внимательно читать

документы того времени, то можно увидеть, что в начале 1960-х гг. редкое выступление советского лидера не обходится без небольших, но ярких антисталинских ремарок. О чем бы ни говорил Н.С. Хрущев — о строительстве, сельском хозяйстве, международных отношениях, социальной сфере и т.п. — практически в каждом втором документе можно встретить фразы, отличавшиеся по форме, но одинаковые по сути (И.В. Сталин «не понимал», «не знал», «не хотел», «не интересовался» и т.д.). Конечно, доставалось и другим бывшим «заклятым друзьям» по руководству партией, но постоянная критика И.В. Сталина стала своеобразным идефиксом хрущевской политики.

Причину этой бесконечной борьбы с тенью И.В. Сталина можно объяснить по-разному. Не исключено, что это была отчаянная попытка вывести страну из «гипноза сталинизма», значительная часть населения которой, невзирая на все разоблачения и свидетельства очевидцев, продолжала верить в И.В. Сталина. Но, возможно, что здесь свою роль играло и своеобразное желание достичь такого же величия, почета и уважения, как у И.В. Сталина, только без репрессий и нарушения законов. (Впрочем, полностью без репрессий все же не получалось: достаточно вспомнить кровавые подавления восстаний в лагерях заключенных, выступлений в Караганде и Новочеркасске, о репрессированных за «антисоветскую агитацию» в 1950–1960-х гг., не говоря уже о подавлении революции 1956 г. в Венгрии и т.д. и т.п.) То, за что раньше Н.С. Хрущев ругал И.В. Сталина, постепенно стало окружать его самого, формируя новый пока еще не культ, а только «культик» личности. Это давало себя знать и в благодушном восприятии Н.С. Хрущевым полившихся рекой многочисленных восхвалений и славословий в свой адрес, и в начавшемся процессе присвоения отдельным организациям имени Н.С. Хрущева, и в единоличном принятии многих важных и при этом подчас весьма противоречивых решений, что впоследствии было названо проявлением «волюнтаризма». Правда, в отличие от И.В. Сталина Н.С. Хрущев пытался привнести в свой культ черты демократизма, мужицкой простоты, близости к народу, но суть дела от этого не менялась. То, что в стране фактически создавался новый культ личности, не признавали на словах, но хорошо понимали другие советские лидеры. Не случайно сразу после отставки Н.С. Хрущева они постарались избежать использования этого термина, ссылаясь, однако, не на то, что культа личности Н.С. Хрущева не было, а на то, что в обществе понятие «культ личности отождествляется с репрессиями» и, вообще, «если два раза культ, то это опасно в теоретическом плане»^а.

В принятых на XXII съезде КПСС программе и уставе партии тема культа личности также нашла свое отражение. Однако если в новой программе КПСС культ личности рассматривался с научно-теоретической точки зрения, то в уставе имелся один вполне практический пункт, который не мог не вызвать серьезное недовольство кадровых работников партийного аппарата. В соответствии с этим пунктом в КПСС вводился принцип систематического обновления партийного руководства. Это означало, что партийные руководители не могли отныне рассматривать свою работу как профессию или пожизненную привилегию. И если для высшего руководства КПСС предельный срок их пребывания у власти ограничивался

^а РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 948. Л. 52-53.

15–20 годами (что было, конечно, много, но тоже отнюдь не до конца жизни), то для большинства партийных лидеров среднего звена этот срок составлял всего 6 лет. Это входило в явное противоречие с планами партийных функционеров, которые, убедившись, что при Н.С. Хрущеве провинившихся партработников уже не расстреливают и не ссылают в лагеря, рассчитывали оставаться на своих постах как можно дольше. Если в 1950-х гг. Н.С. Хрущев победил своих политических противников во многом благодаря поддержке партийного аппарата, то теперь этим своим решением он, образно говоря, «пилит сук, на котором сидел». Продолжая и после XXII съезда КПСС наносить удары по И.В. Сталину и бывшим членам «антипартийной группы», которых в 1962 г. окончательно сняли со всех постов и исключили из партии, Н.С. Хрущев не заметил появления нового, более серьезного противника в лице, как говорили представители китайской компартии, «советской номенклатурной буржуазии». Представители этой «номенклатурной буржуазии» не хотели возвращения суровых сталинских времен, но им не нужны были и многочисленные хрущевские эксперименты, угрожавшие их власти и благосостоянию. Именно они и стали главной движущей силой «партийного переворота» в октябре 1964 г., когда Н.С. Хрущев неожиданно для многих и в первую очередь для самого себя был снят со всех постов и отправлен на пенсию. Пришедшее к власти новое советское руководство хотя и продолжало заявлять о своей приверженности курсу XX и XXII съездов КПСС, тем не менее внесло определенные коррективы в этот курс: с середины 1960-х гг. упоминание о культе личности постепенно исчезает из официальных документов и средств массовой информации, а процесс десталинизации начинает приобретать все более расплывчатые и противоречивые формы.

Настоящий сборник документов был подготовлен коллективом составителей Российского государственного архива новейшей истории. Подготовка сборника была осуществлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (проект № 11-01-00211/12).

Составители сборника выражают благодарность за помощь в подготовке данной публикации Л.С. Карпуниной, Г.А. Пантелееву, Т.Ф. Поддорогиной, Т.В. Роговой, С.Н. Ситковой.

М.Ю. Прокуменщиков

XXII СЪЕЗД КПСС И ПРОБЛЕМЫ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ

Документы предлагаемого читателям сборника объединены общей темой десталинизации, под которой подразумевается курс, взятый советским руководством на развенчание культа личности Сталина и ликвидацию его последствий. Выработка этого курса началась сразу после смерти И.В. Сталина и явилась сложной результирующей процесса борьбы за власть внутрипартийных группировок. Кульминацией первого этапа десталинизации явился XX съезд КПСС в феврале 1956 г., на котором было открыто заявлено^a о культе личности и его последствиях как об осознанной проблеме.

Нас же интересовал условно выделяемый второй период десталинизации, который явился продолжением процесса, начатого на XX съезде партии. Наше внимание было сфокусировано на периоде подготовки и проведения XXII съезда КПСС и событиях, последовавших сразу после окончания съезда.

Основу сборника составляют документы XXII съезда КПСС. Это отчетный доклад ЦК КПСС, заключительное слово по отчетному докладу, а также некоторые резолюции и постановления, принятые съездом. Озвученные в основном первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, лицом, являвшимся мотором нового политического курса, они несли в себе значение нового закона, координаты нового исторического времени для партии и страны. В выступлении на съезде Н.С. Хрущев достаточно метко резюмирует значение происходящего: «Я бы сказал, мы на XXII съезде делаем такой перелом внутреннего режима в нашей партии, потому что это имеет большое историческое значение»^b.

Отредактированный стенографический отчет о работе XXII съезда КПСС был опубликован вскоре после его окончания^c. В настоящем издании, в русле преемственности к ранее опубликованному сборнику документов РГАНИ о «секретном» докладе Н.С. Хрущева на XX съезде партии^d, мы даем основные материалы съезда,

^a Выражение «открыто заявлено» не раз ставилось под сомнение, так как «секретный доклад» был заслушан на «закрытом» заседании съезда — об этой дилемме говорилось уже много, но, тем не менее, обнародование этой проблемы стало поворотной точкой в развитии событий в стране.

^b См. документ 1.1.3 настоящего сборника.

^c XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. I–III. М.: Госполитиздат, 1962 (далее — XXII съезд КПСС).

^d Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы»).

в том числе отчетный доклад и заключительное слово Н.С. Хрущева, с учетом различных редакций и вариантов текста. Документы, показывающие работу съезда, — выступления Н.С. Хрущева, участников и гостей партийного форума, тексты речей, которые так и не были произнесены на съезде, хотя готовились именно для съездовской трибуны, — эти и другие архивные материалы составляют первую часть настоящего сборника. Вторая часть — это документы, показывающие реакцию на съезд советского общества, некоторые примеры реализации съездовских решений, а также завершение разгрома антипартийной группы. Третья часть сборника показывает отношение к решениям XXII съезда за рубежом, в социалистических и капиталистических странах. Некоторые документы третьей части компенсируют определенный дефицит материалов с негативной реакцией на решения съезда внутри страны после 1961 г. Например, эмоциональная полемика внутри итальянской компартии, особое мнение П. Тольятти, реакция китайских коммунистов, множественные недоумения в рядах северных европейских компартий — все это ярко показывает неоднозначность и противоречивость ситуации, в которой оказалось международное коммунистическое движение как после XX, так и после XXII съездов КПСС.

Археография

Археографическая обработка документов сборника проводилась в соответствии с действующими правилами издания исторических документов. Все документы снабжены заголовками, под заголовками проставлена дата составления документа, а также указан гриф секретности (если таковой имелся), который был присвоен документу в момент его создания.

В том случае, если не было возможности точно установить дату создания документа, датировка осуществлялась исследовательским путем (по сопряженным документам, пометам, резолюциям, штампам и т.д.). В этом случае дата документа приводится в квадратных скобках и обосновывается в подстрочных примечаниях. Если указать точную дату не представлялось возможным, указывается возможный период создания документа. В третьей части сборника, при публикации записей бесед с иностранными деятелями кроме даты создания документа указывается также непосредственно дата состоявшейся беседы, а также дата поступления документа в ЦК КПСС.

К большинству документов дается редакционный (составительский) заголовок. Редакционные заголовки, как правило, не учитывают специфические особенности и стиль делопроизводства в ЦК КПСС (например, названия отделов ЦК даются со строчной буквы). В некоторых случаях частично использовались оригинальные заголовки документов. В редакционные заголовки, относящиеся к постановлениям Президиума ЦК КПСС, вводится название, обозначенное в пункте протокола.

Документы сборника публикуются как полностью, так и в извлечениях. Во втором случае опускались те части текста документов, которые посвящены вопросам, не относящимся к теме сборника. Все изъятия из текста обозначены отточием в квадратных скобках. В текстуальных примечаниях отмечается характер опущенного текста.

Текст документов передается по современным правилам орфографии и пунктуации. Явные опечатки исправлены без специальной оговорки в примечаниях, пропущенные слова восстановлены в квадратных скобках. Слова, характеризующие особенности стиля автора, так же как и неочевидные для понимания грамматические конструкции, сохраняются в тексте в неизменном виде и оговариваются в текстуальных примечаниях.

Резолюции, пометы, справки, которые относились к документу, вне зависимости от их расположения, сгруппированы непосредственно после окончания документа перед архивной легендой.

Архивная легенда включает название архива, номера фондов, дел, листов. Здесь же указываются сведения о подлинности документа: подлинник, копия, заверенная копия. В основном все документы, опубликованные в сборнике, за редким исключением, являются машинописными. В силу этого обстоятельства указание на способ воспроизведения документа делается только в том случае, если документ рукописный. Аналогичная ситуация и с указанием на подчеркивания (отчеркивания), которые сделаны в тексте документов. Поскольку большинство подчеркиваний сделано от руки, то в подстрочных примечаниях способ, при помощи которого было произведено подчеркивание, указывается только в том случае, если оно было сделано машинописно.

В связи с тем, что составителям сборника пришлось при подготовке публикации в ряде случаев работать не с подлинниками документов, а с их копиями на пленочных носителях, это не всегда позволяло им достоверно определить, каким способом (чернилами или карандашом) и каким цветом сделаны пометы и исправления на таких документах. Соответственно, информация об этом дается в текстуальных примечаниях, как правило, к документам на бумажной основе.

В ряде случаев у составителей сборника не было большой уверенности: делались ли подчеркивания в тексте при чтении документа или же они были сделаны самим автором при составлении документа. Как правило, подобные подчеркивания делались в ЦК, это было внутренней практикой, облегчавшей работу с документом в отделах. Однако в некоторых документах мы предпочли не указывать, где и когда были сделаны подобные отметки в тексте. Читатели и составители в данном случае в равном положении: никаких дополнительных сведений и четких указаний о том, чьей именно рукой были сделаны подчеркивания, у нас нет.

Хронологически сборник охватывает сравнительно небольшой, но крайне насыщенный многочисленными событиями период: с октября 1961 г., когда состоялся XXII съезд КПСС, до середины 1962 г., когда схлынула основная волна реакции на прозвучавшие на съезде заявления, а его решения (по интересующей нас теме) были в большей или меньшей степени реализованы на практике. Документы основных трех частей сборника, построенные в хронологическом порядке, пронумерованы следующим троичным образом: N.N.N. (номер части, номер раздела, номер документа в данном разделе).

Вошедшие в сборник документы публикуются с текстуальными примечаниями и комментарием по содержанию, последний помещен в конце каждой части сборника. Научно-справочный аппарат публикации включает также предисловие, настоящую вступительную статью, именную указатель, список сокращений и список опубликованных документов.

Отчетный доклад ЦК КПСС XXII съезду партии

Появление текста. Выбор фрагмента

Отчетный доклад ЦК, прочитанный на XXII съезде Н.С. Хрущевым, — это один из традиционных жанров партийных документов: на очередном партийном съезде должен прозвучать отчет Центрального Комитета перед партией за реализацию собственной политики за прошедший отчетный период. Этот обязательный доклад должен был зачитываться, как правило, первым лицом партии.

Работа над отчетным докладом была начата в ЦК в апреле 1961 г. Постановлением ЦК КПСС от 11 апреля 1961 г. была образована комиссия по подготовке материалов к отчетному докладу ЦК КПСС XXII съезду партии. В ее состав вошли: Л.Ф. Ильичев (руководитель), В.П. Абызов, Ю.В. Андропов, С.А. Аристов, С.А. Баскаков, Я.И. Кабков, Н.Д. Казьмин, В.А. Карлов, В.А. Кириллин, В.С. Марков, Н.А. Мельников, Н.Р. Миронов, А.С. Панюшкин, И.С. Панькин, М.А. Полежаин, Д.А. Поликарпов, Б.Н. Пономарев, А.П. Рудаков, И.Д. Сербин, В.И. Степанков, В.Н. Титов, В.И. Тищенко, В.С. Фролов^а.

Работа строилась на основе наработок комиссии, прочтения доклада первыми лицами, совместных обсуждений, высказанных замечаний и дополнений. На доступном нам архивном материале можно сказать об активной работе Н.С. Хрущева над докладом, который не раз перечитывал текст, надиктовывал свои замечания и соображения, или вносил изменения собственноручно^б. Известны замечания, сделанные к докладу А.И. Микояном, А.А. Громыко. Доклад читался в отделах ЦК КПСС. Специфическую корректировку в доклад внесло ЦСУ^с. Несколько раз работа Н.С. Хрущева над текстом происходила в Пицунде, на отдыхе, там же шло непосредственное обсуждение вопросов в узком кругу лиц. Дополнительно к лицам, работавшим в комиссии по подготовке материалов к докладу, к работе над ним в разные периоды привлекались: П.А. Сатюков, А.И. Аджубей, Л.Н. Толкунов, Ю.А. Жуков, В.П. Степанов, В.И. Поляков, В.И. Снастин, В.Н. Старовский, Д.П. Горюнов, П.Н. Федосеев, Д.П. Шевлягин, М.А. Харламов, Г.П. Францев, Г.Т. Шуйский, А.С. Шевченко, В.С. Лебедев, О.А. Трояновский^д. Лично Н.С. Хрущеву высказывал также свои «предложения, касающиеся культа личности», секретарь ЦК КПСС О.В. Куусинен^е.

Таким образом, через серию переработок на основании первоначального варианта текста появилось несколько редакций или версий текста доклада. В целом работа заняла несколько месяцев, с апреля по октябрь 1961 г. включительно.

Первоначально, вероятно к маю 1961 г., появился «План подготовки материалов к XXII съезду» (план-конспект)^ф, который представлял из себя основные пун-

^а РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 3.

^б Собственноручная правка доклада Хрущевым отражена в следующих материалах: РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 177; Ф. 1. Оп. 4. Д. 5.

^с См. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 172; Ф. 52. Оп. 1. Д. 178; Ф. 52. Оп. 1. Д. 176.

^д РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 172. Л. 112.

^е РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 13. Л. 1.

^ф Подобная датировка возможна, потому что, хотя на плане нет даты, он отложился вместе с материалами, которые датируются началом мая 1961 г. (РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 172).

кты содержания и тезисное изложение материала. Доклад предполагался из двух частей, первая из которых была бы сосредоточена на анализе проблем международных отношений, роли и позиции СССР на международной арене, а во второй части доклада большая часть была бы посвящена проблемам хозяйственного развития, глобальным перспективам, планам пятилетки, освоению целины и другим актуальным на тот момент вопросам экономики страны. Применительно к настоящему сборнику нас интересует лишь фрагмент третьего раздела второй части доклада, посвященный вопросу культа личности^a. Эта часть в плане-конспекте доклада обозначалась следующим образом: «III. Ленинская партия — организатор борьбы за коммунизм. 1. Рост партии, укрепление ее рядов. 2. Восстановление и дальнейшее развитие ленинских норм партийной жизни. 3. Организаторская работа партии. Воспитание кадров. 4. О партийном, государственном и общественном контроле. 5. Вопросы идеологической работы в современных условиях. 6. Практическая деятельность партии и развитие революционной теории»^b.

В июле 1961 г. в Пицунде Н.С. Хрущев читает «Проект материалов к отчетному докладу ЦК КПСС на XXII съезде»^c — это уже не тезисное, а первое имеющееся у нас расширенное изложение доклада, полноценный текст. Интересующая нас часть обозначалась в нем следующим образом: «III. Ленинская партия — организатор борьбы за победу коммунизма. 1. Восстановление и развитие ленинских норм партийной жизни и руководства»^d. Н.С. Хрущев прочитал текст и надиктовал к нему замечания, уточнения. Практически с этого момента существует текст в основном, т.е. его логическое строение, внутренние взаимосвязи, основные содержательные моменты в основном остаются неизменными. Это подтверждает и сам Н.С. Хрущев: «Сегодня-завтра мы этот доклад закончим», — говорит он в Пицунде 24 июля 1961 г.^e В ходе работы над текстом, от редакции к редакции приносились изменения и дополнения, которые в массе своей были текстологическими, стилистическими, добавляющими, корректирующими, иногда вставлялись новые куски текста, содержащие новую фактологию. Однако в любом случае эти корректировки не меняли идеологию текста в целом, т.е. заложенной в него идейной программы, не нарушали основных структурно-смысловых связей текста. Некоторые добавленные фрагменты порой содержали новые смысловые оттенки или новые смыслы, опять-таки не менявшие генеральной линии текста, т.е. его главного смыслового посыла — «осуждения культа личности».

Редакции текста доклада

Все редакции текста можно условно разделить на две группы. В первую войдут те, которые образовались в процессе работы над текстом, до его прочтения на съезде. Во вторую — те, которые появились в процессе работы съезда: неправленая стенограмма, авторский экземпляр, и сюда же нужно отнести последнюю

^a Именно этот фрагмент мы публикуем в сборнике как документ № 1.1.1 «Из доклада ЦК КПСС XXII съезду партии».

^b РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.

^c РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 173.

^d РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 173. Л. 131–137.

^e РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Л. 86.

версию текста, которая была официально опубликована в качестве стенографического отчета^а.

Доступные нам варианты редакций текста из первой группы редакций:

1. План-конспект доклада (май 1961 г.) (РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 172).

1.а. «Проект материалов к отчетному докладу», прочитанный Хрущевым в Пицунде 20–25 июля 1961 г. (РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 173) (условно — «Пицунда»).

1.б. Проект доклада, подготовленный в соответствии с замечаниями и поправками Хрущева от 16–17 сентября 1961 г. (РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 175).

1.в. Проект доклада с визой отделов и ЦСУ (сентябрь 1961 г.) (РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 176).

1.г. Проект доклада с поправками и уточнениями Хрущева от 29 сентября 1961 г. (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4).

1.д. Проект доклада с поправками Хрущева «для рассылки членам Президиума» (от 1 октября 1961 г.) (РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 177).

1.е. Проект доклада (от 12 октября 1961 г.) (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5).

Варианты редакций текста из второй группы:

2. Официальная печатная версия текста — XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. III. М.: Госполитиздат, 1962.

2.а. Неправленая стенограмма отчетного доклада ЦК XXII съезду партии (вечернее заседание от 17 октября 1961 г.) (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 90).

2.б. Авторский экземпляр доклада (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114).

О характере расхождений

Нами было проведено сравнение неправленной стенограммы, т.е. непосредственно того, что было произнесено докладчиком на съезде, с авторским экземпляром и соответствующим текстом напечатанного стенографического отчета, т.е. с тем, что было в конечном счете опубликовано в качестве официальной версии для всей страны. Также было проведено сравнение доступных нам версий доклада между собой. Расхождения между редакциями текста во второй группе минимальны. Они в основном текстологичны, несущественны для смыслового поля текста. Главным образом они обусловлены различием устной речи, отраженной в стенограмме, и письменной формы, отраженной в стенографическом отчете. Для стенограммы характерны:

— ситуативные отходы докладчика «в сторону» от написанного текста (редкие, на уровне реплик, адресованных залу или конкретным лицам, эмоциональные высказывания^б);

— несущественное опущение слов (очень немногочисленное);

— иное (развернутое или слитное) прочтение сокращенных слов, округление цифровых значений данных;

^а В нашем случае во второй группе отсутствует так называемый редакционный экземпляр, так как в нем нет доклада Н.С. Хрущева.

^б Например, см. фрагмент из текста стенограммы (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 90. Л. 35); диалог Н.С. Хрущева с Н.Т. Игнатовым во время выступления последнего (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 100. Л. 54–76) и др. фрагменты.

— отсутствие четкого представления при устном докладе о структуре текста: в версии стенографического отчета в тексте присутствуют элементы структуры, в том числе подзаголовки, которые опущены при устном прочтении;

— редактированию в Редакционной комиссии съезда подверглись замечания об эмоциональной реакции зала на доклад, т.е. то, что, на первый взгляд, должно быть прерогативой именно стенографического отчета: «бурные аплодисменты, переходящие в овацию» чаще всего заменены на «бурные аплодисменты», т.е. снижен или приведен в соответствие с действительностью «градус» эмоций в зале.

Расхождения в разбивке на абзацы между стенограммой и стенографическим отчетом, если они существуют, восходят к авторскому варианту: там, где различия есть, чаще всего, именно так написано в авторском варианте текста.

Из всех разночтений, которые есть между редакциями доклада, существенными или достойными упоминания являются те, которые существовали на стадии разработки доклада, т.е. в тех редакциях текста, которые отнесены нами к первой группе редакций.

Два или один?

В Пицунде Н.С. Хрущев делится с коллегами своим ощущением, что целесообразно, возможно, «готовить один общий доклад, потому что, если будут три доклада и прения по ним общие, тогда, кроме повторения отдельных разделов, ничего не получится»^a. Н.С. Хрущев имел в виду отчетный доклад ЦК, доклад мандатной комиссии и доклад по новой программе партии. Доклад мандатной комиссии готовился внутри нее своими силами, за подготовку отчетного доклада отвечал Л.Ф. Ильичев, за работу над докладом по программе партии — Б.Н. Пономарев. Н.С. Хрущев предлагает: «...надо двум комиссиям, работающим над материалами, объединиться, иначе каждая комиссия будет совать в доклад полный комплекс вопросов. Конечно, это будет полное представление, но мне от этого не легче, а слушателям совсем будет противно, так как повторения неизбежны»^b. Главные доводы в пользу слияния докладов были связаны с неизбежностью повторений — «в каждом докладе должно быть вступление, развитие и заключение» как необходимые структурные части, которые базируются на одном материале, а следовательно, приведут к тавтологии. Смущала также и нагрузка на одного докладчика — Н.С. Хрущева: «Но ведь докладчик-то один, построение общее»^c. Работа отдельных комиссий признавалась в любом случае целесообразной и результативной: «То, что работали две группы — это полезно, потому что одна группа — одни соображения; вторая группа — другие соображения»^d.

Доклады в результате слиты не были, и было их на съезде даже не три, а четыре. 17 октября 1961 г. Н.С. Хрущев на утреннем и вечернем заседании читает отчетный доклад, тогда же звучит и доклад мандатной комиссии, а 18 октября Н.С. Хрущев отдельным докладом читает проект программы партии. 28 октября 1961 г., на 25-м утреннем заседании съезда, секретарь ЦК КПСС Ф.Р. Козлов читает доклад об изменениях в уставе партии.

^a РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Л. 85.

^b Там же. Л. 85.

^c Там же.

^d Там же. Л. 86.

Работа над текстом

Как уже говорилось выше, Н.С. Хрущев читает текст проекта доклада в Пицунде в июле 1961 г. Это первый расширенный вариант текста, вышедший из комиссии по подготовке доклада (по доступным нам материалам). При сравнении этого текста с одним из конечных вариантов можно прийти к выводу, что текст в основном совпадает с неправленной стенограммой, в некоторых абзацах текстологически точно, в некоторых частично. Некоторые моменты текста впоследствии будут существенно расширены и дополнены.

Текст из Пицунды отличается (сравнение идет только в интересующей нас части) следующим. Отсутствовал пассаж про «албанцев». Появляется фрагмент про антипартийную группу и Г.К. Жукова, чего не было даже в наметках в тезисном варианте. В тексте не было цитаты из так называемого «завещания Ленина» о личности И.В. Сталина, на что Н.С. Хрущев делает замечание: «Если в проекте доклада нет, то надо сказать о Ленине, о его завещании»^а.

Интересны и некоторые следующие менее глобальные моменты текста, отличающие редакции «Пицунда» и неправленную стенограмму:

1. Абзац, начинающийся со слов «Что было бы с партией и страной...» на л. 132 в версии «Пицунда», есть и в версии стенографического отчета^б, но в тексте из Пицунды есть конкретизация, что отставание в экономическом развитии как вредные последствия культа личности уже сказались в сельском хозяйстве. Этого акцента или уточнения нет в тексте неправленной стенограммы. В редакции от 16–17 сентября это уточнение сохраняется и исчезает в редакции от 29 сентября, где сказано более обще — что культ личности является причиной замедления в том числе экономического развития страны^с. Указание на отставание в сельском хозяйстве — возможно, «камешек в огород» Маленкова, которому не простили заявлений на XIX съезде партии «о решении зерновой проблемы в стране»^д;

2. Признание «больших» заслуг И.В. Сталина перед страной и партией^е осталось и в неправленной стенограмме^ф, но произошла замена, уточнение определения

^а РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Л. 72.

^б «Что было бы с партией и страной, если бы не был осужден культ личности, не преодолены его вредные последствия и не восстановлены ленинские принципы партийной и государственной деятельности? Это грозило бы отрывом партии от масс, от народа, серьезными нарушениями советской демократии и революционной законности, замедлением экономического развития страны, снижением темпов коммунистического строительства, а, следовательно, и ухудшением благосостояния трудящихся» (XXII съезд КПСС. Т. I. С. 103).

^с РГАНИ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4. Л.117.

^д На собраниях, обсуждавших вопрос об исключении Г.М. Маленкова из партии, что явилось следствием решений XXII съезда КПСС, Г.М. Маленкову припоминали его выступление с отчетным докладом на XIX съезде, где он как докладчик от лица партии заявил о «решенности» зерновой проблемы, в то время как хлеб получали по карточкам в очередях (см. Девятнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 1. М.: Правда, 1952. С. 54).

^е «Конечно, Сталин имел большие заслуги перед партией и коммунистическим движением, и мы отдаем ему должное» (XXII съезд КПСС. Т. I. С. 104).

^ф РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 90. Л. 28.

этих заслуг: в версии из Пицунды говорится о том, что «Сталин имел немалые заслуги»^a, что, с точки зрения русского языка, конечно, более звучно и убедительно;

3 Пассаж об антипартийной группе в «Пицунде» присутствует в минимальном виде, в дальнейших же редакциях он будет существенно расширен, в том числе появится упоминание о персональной ответственности членов антипартийной группы за «многие массовые репрессии...»^b;

4. Упоминание про Бюро ЦК КПСС по РСФСР существует в тексте проекта из Пицунды, но отсутствует в окончательных редакциях. В параграфе, где подытоживаются действия партии, предпринятые для восстановления «ленинского стиля и принципов руководства», сказано: «Регулярно проводятся заседания Президиума ЦК, на которых коллективно решаются все важнейшие вопросы руководства партией и страной. Систематически и коллективно работает Секретариат ЦК. Образованное после XX съезда партии Бюро ЦК КПСС по Российской Федерации заняло определенное место в общепартийной работе»^c. То есть образование Российского бюро расценивалось как исправление сталинских перекосов в управлении государством, заслуга Н.С. Хрущева и один из отличительных моментов нового курса. Однако этот момент в тексте направленной стенограммы отсутствует.

После прочтения первоначального проекта доклада Н.С. Хрущев в Пицунде надиктовывает ряд замечаний к нему. Диктовки проходили с 20 по 25 июля 1961 г. включительно и представляют значительный интерес. Фактически это мини-сюжеты, рассуждения вслух по различным позициям, затронутым в докладе, рассуждения, обращенные к членам ЦК, которые являются потенциальными соавторами доклада. Практически все эти надиктовки были в той или иной мере учтены впоследствии и вплетены в ткань текста. Нас интересуют записи, сделанные 24 июля, потому что именно они посвящены вопросам культа личности. В этих надиктовках появляется «сюжет об албанцах»^d, который будет неоднократно дополняться и уточняться. Албанский сюжет является дополнительной иллюстрацией к разговору о культе личности на съезде: «Вот это и есть культ личности на практике. А вот и его последствия»^e, — говорит Хрущев об албанских событиях. Именно здесь проблема, обсуждаемая на съезде, балансировала на грани обобщения: возможен был выход вопроса о культе личности «из рамок Сталина» в ранг системной проблемы. Но вопрос в таком ракурсе не был поднят на съезде, до таких обобщений идеологи ЦК не столько не дошли, сколько старательно их избегали^f. Ответчиком по всем предъявленным обвинениям был один человек — И.В. Сталин. Вопрос оставался витающим в воздухе, но нерешенным и неозвученным в докладе. Маленькой

^a РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 173. Л. 133.

^b РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 90. Л. 32.

^c РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 173. Л. 137.

^d РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Л. 56–60.

^e РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Л. 58.

^f См. например постановление Президиума ЦК КПСС «О враждебных вылазках на собраниях партийной организации Теплотехнической лаборатории Академии наук СССР по итогам XX съезда КПСС» (Реабилитация: как это было. Т. II: Февраль 1956 — начало 1980-х годов. М., 2003. С. 64–65).

иллюстрацией этого является отслеженная замена в тексте доклада определения об «ошибках и извращениях» в период культа личности. Первоначально, в тексте варианта из Пицунды было: «Порожденные <...> ошибки и извращения»^a. В проекте от 12 октября 1961 г. видно стремление смягчить этот момент, рукой Н.С. Хрущева внесена правка «...допущенные в период культа личности И.В. Сталина ошибки и извращения...»^b. Однако данная замена не нашла отражения ни в версии, прочитанной на съезде, ни в официальной публикации материалов съезда.

Именно из диктовки Н.С. Хрущева в Пицунде появляется лирический момент доклада о «погасших светилах», адресованный В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу^c, перешедший в неизменном виде в последующие редакции текста вплоть до стенографического отчета.

После обсуждения предложенных добавлений и изменений Н.С. Хрущев подытоживает, что «материал уже собран, августа месяца достаточно» для завершения работы над докладом, потом останется только его «шлифовка»^d. В августе 1961 г. также в Пицунде Н.С. Хрущев продолжает работать над материалами предстоящего съезда, но по документам архива за этот период в нашем распоряжении только проект доклада Н.С. Хрущева по проекту программы партии^e. Возможно, что Хрущевым был прочитан и отчетный доклад, но сведений об этом у нас нет.

Редакции текста от 16–17 сентября^f и от 29 сентября 1961 г.^g различны, они содержат текстологические изменения, добавления и корректировки. В этих редакциях в самом тексте нет правки от руки, но изменения, сделанные со слов Н.С. Хрущева, учтены. 22–26 сентября 1961 г. опять-таки в Пицунде Н.С. Хрущев надиктовывает серию замечаний-предложений для доклада^h. Эти замечания учтены в тексте от 29 сентября 1961 г. Но сравнение текстов двух указанных редакций с замечаниями от 22 сентября приводит к выводу, что надиктовка Н.С. Хрущевым замечаний шла, отталкиваясь от третьего источника: непосредственно замечания, сделанные Н.С. Хрущевым в Пицунде 22–26 сентября, не накладываются на текст от 16–17 сентября, но находят отражение в редакции от 29 сентября 1961 г.

Можно привести пример. Первое замечание Н.С. Хрущева в пицундской диктовке от 25 сентября 1961 г.: «Стр. 5. В конце фразы “...рокового часа для господства капитализма” добавить: Но этим самым империализм подрубает ветви, на которых он держится; он больше разоблачает себя и свою империалистическую сущность. (Примером этому могут служить Лаос, Куба, Суэцкий канал)»ⁱ. Реализацию этого замечания мы отмечаем в редакции от 29 сентября. На странице 13 текста читаем: «Все это может на какой-то срок отодвинуть приближение рокового часа для господства капитализма. Но такие репрессивные меры еще более разоблачают разбойничью сущ-

^a РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 108.

^b РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 108.

^c РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Л. 93.

^d РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Л. 87.

^e РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 179.

^f РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 175.

^g РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4.

^h РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 175. Л. 185–210.

ⁱ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 175. Л. 197.

ность империализма. Империалисты рубят сук, на котором сидят. В мире нет такой силы, которая могла бы остановить движение человечества по пути прогресса»^a. Этот пассаж перешел в окончательную версию доклада^b, но данный момент отсутствует в редакции от 16–17 сентября как на указанной странице 5, так во всей соответствующей части текста, которая еще структурно отличается от версии 29 сентября.

Аналогичным образом разбираются все последующие замечания, сделанные Н.С. Хрущевым в Пицунде в период от 22 по 26 сентября 1961 г. Скорее всего, после редакции от 16–17 сентября существовал еще один вариант текста, написанный в период от 17 до 22 сентября, которого у нас нет в наличии. Различия текстов от 16–17 и 29 сентября не описываются только замечаниями Н.С. Хрущева по диктовке, скорее всего, с текстом работали еще непосредственно в комиссии, поскольку было привнесено много структурных изменений: перегруппировки абзацев с добавлением новых предложений, изменение подзаголовков и другие мелкие изменения структуры текста.

Редакция текста, над которой работали отделы и ЦСУ, абсолютно идентична редакции от 29 сентября 1961 г.: это один и тот же текст, на который были сделаны замечания и исправления рукой на полях и в тексте, касающиеся только цифр. В этой редакции на полях была помета: «Цифры по количественному и качественному составу КПСС будут уточнены по состоянию на 1 октября 1961 г.»^c Уточненные цифровые значения отразились уже в редакции от 1 октября 1961 г.

Интересно отметить, что Н.С. Хрущев работает над диктовками в Пицунде с 22 по 26 сентября, а текст, учитывающий эти замечания (в основном), появляется в Москве уже 25 сентября 1961 г.: версия от 29 сентября идентична версии ЦСУ, в последней есть дополнительный материал — справка, датированная 25 сентября 1961 г., подготовленная к информации на с. 43 данного текста^d. Возникает некоторое затруднение в выстраивании иерархии версий текста: если замечания Н.С. Хрущева, сделанные в Пицунде, учтены в версиях от 29 сентября и в версии ЦСУ (что по сути одно и то же), то как объяснить дату «25 сентября» в справке к с. 43 версии ЦСУ, если последнюю диктовку Хрущев делает 26 сентября? Версия, которую мы называем условно «от 29 сентября», названа так по сопроводительной записке Н.С. Хрущева: «Посылаю проект Отчета Центрального Комитета КПСС XXII съезду партии. Н. Хрущев. 29 сентября»^e, разослана эта версия членам Президиума была 30 сентября 1961 г.^f Следовательно, эта версия, учитывающая замечания Н.С. Хрущева от 22–26 сентября, могла быть готова от 26 до 29 сентября (день на прочтение и на составление). Каким же образом справка в версии ЦСУ датируется 25 числом? Возможно допущение, что раскладка на страницы версии ЦСУ и версии от 29 сентября совпадает с тем вариантом, который отсутствует в архивных материалах, и справка была подготовлена заранее, или

^a РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 13.

^b XXII съезд КПСС. Т. I. С. 18.

^c РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 176. Л. 111.

^d РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 176. Л. 139–144.

^e РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 5.

^f Датируется по справке о рассылке (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 4).

же она готовилась просто тематически, как иллюстрация к сообщению о поездках за рубеж наших политических деятелей (эта фраза присутствует во всех вариантах текста), а потом была просто вставлена с припиской от руки нужной страницы.

На тексте проекта доклада от 16–17 сентября 1961 г. есть уточняющая надпись «Предпоследний вариант»^a. После проведенных сравнений текстов, а также учитываемые имеющиеся в наличии последующие редакции, приходится признать, что эта надпись не соответствует действительности. После редакции от 16–17 сентября можно говорить о существовании как минимум еще 4 версии доклада: неизвестная версия, созданная между 17 сентября и до диктовок Н.С. Хрущева в сентябре в Пицунде, версия от 29 сентября, от 1 и от 12 октября.

Известны письменные замечания Н.С. Хрущева к проекту доклада от 3 октября 1961 г. Поправки и уточнения в данном случае касались лишь первой части доклада. В конце сопроводительной записки Н.С. Хрущев пишет: «Работу над докладом продолжаю»^b. С этого момента следующая известная нам версия — от 12 октября 1961 г.

Версии от 1 октября и 12 октября 1961 г. внешне различаются количеством исправлений, сделанных Н.С. Хрущевым непосредственно в тексте проекта доклада. Уже из сопроводительной записки к проекту от 12 октября видно, что над текстом была проделана работа:

«В разосланный ранее текст отчета Центрального Комитета XXII съезду партии внесены значительные поправки и уточнения. Учтены замечания членов Президиума ЦК.

Посылаю Вам исправленный и дополненный текст этого доклада. Н. Хрущев. 12 октября 1961 г.»^c

Вероятно, Н.С. Хрущев получил этот вариант текста 12 октября 1961 г. вместе со всеми членами Президиума ЦК (судя по справке о рассылке^d), этот текст был уже отредактирован по сравнению с текстом от 1 октября и в этот вариант советский лидер вносит свои исправления ручкой прямо в текст. Эта работа, вероятно, была проделана в течение 12 октября, а на следующий день текст с сопроводительной запиской поступил в общий отдел ЦК^e. Текст редакции от 1 октября содержит минимальную правку от руки в интересующей нас части — это одно несущественное стилистическое исправление^f. Варианты от 1 и от 12 октября кроме незначительных стилистических изменений и некоторой корректирующей правки, главным образом, отличаются изменением «албанского куса текста», он полностью перерабатывается, вернее, старый текст заменяется новой вставкой.

Правка же проекта от 12 октября начинается с того, что Н.С. Хрущев зачеркивает слово «проект», вероятно, показывая решение считать этот вариант последним.

^a РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.

^b РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 159.

^c РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 3.

^d РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 2.

^e Датируется по печати на обороте сопроводительной записки.

^f РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 177. Л. 125.

Однако работа над докладом продолжалась практически до самого его утверждения на Президиуме ЦК КПСС 14 октября: 12 октября присылает свои замечания А.И. Микоян, 13 октября приходят замечания по международной части доклада от А.А. Громыко, известны дополнения Н.С. Хрущева, сделанные им 14 октября 1961 г.

После внесения правки Н.С. Хрущевым в текст редакции от 1 октября, проект доклада где-то все-таки проходил еще одну стадию просмотра-обсуждения и утверждения, поскольку не все замечания и предложения Н.С. Хрущева были автоматически одобрены и внесены в текст. Это относится и к интересной правке Н.С. Хрущева, о которой упоминалось выше: замена слова «порожденные» на «допущенные» по отношению к «ошибкам и извращениям сталинского периода» развития страны. Также были рассмотрены и учтены присланные в ЦК замечания.

Таким образом, редакция от 12 октября 1961 г. с правкой Н.С. Хрущева от руки — это последний известный нам полный текст проекта доклада перед его утверждением.

13 октября 1961 г. на заседании Президиума ЦК утверждается проект отчетного доклада, представленный Н.С. Хрущевым. 14 октября 1961 г. доклад был утвержден на заседании Пленума ЦК КПСС, при этом на пленуме доклад не обсуждался. «Мы много работали над докладом, — заявил Н.С. Хрущев, — тщательно несколько раз он рассматривался Президиумом ЦК. Мы считаем, что отчетный доклад подготовлен на уровне, который мы сами собой представляем. Я хотел бы спросить членов ЦК, будем читать доклад?» Решили не читать, утвердили отчетный доклад единогласно³.

Смысловой пласт фрагмента доклада

Разбираемый нами фрагмент доклада состоит из трех крупных логических частей:

- осуждение культа личности,
- антипартийная группа,
- сюжет про «албанцев».

Нужно отметить, что названные логические части отчетного доклада тесно связаны с такими же частями заключительного слова. Докладчик, начиная в отчетном докладе разговор, продолжает его в заключительном слове. Все названные позиции, только намеченные в отчетном докладе, получают в заключительном слове свое расширение. Информативность и целостность сообщения по обозначенным позициям набирают только в совокупности отчетного доклада и заключительного слова. Говоря об антипартийной группе, в отчетном докладе Хрущев только намечает хронологию событий, а в заключительном слове сообщает подробности происходящего. То есть, говоря о смысловом пласте сказанного Хрущевым на съезде о культе личности, отчетный доклад и заключительное слово складываются в единый информационный блок. Все, что было сказано на съезде про антипартийную группу, говорилось Хрущевым не в первый раз, но на всю страну история про «заговорщиков», «кучку фракционеров» и «отщепенцев» звучит впервые. Все это

³ Выписка из протокола № 20 заседания Пленума ЦК КПСС от 14 октября 1961 г. (РГА-НИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 51–152).

составляет как бы костяк той информации, того смыслового и событийного блока, который слагался у Хрущева до 1961 г. Говоря об антипартийцах на съезде, Хрущев кратко, как бы конспективно подытожил все, что было сказано им по этому поводу до 1961 г.: речь Хрущева на пленуме ЦК 1957 г., выступление Хрущева по вопросу о Ворошилове (Председателе ВС СССР), по вопросу о Булганине и другие беседы и выступления. Полученный комплекс событий впоследствии будет практически в таком же виде отражен и в мемуарах Хрущева.

Антипартийная группа как сюжет, озвученный на съезде, с предысторией

Костяк антипартийной группы составляли Молотов, Каганович, Маленков. Далее шли Ворошилов, Булганин, Первухин, Сабуров, Шепилов. Их общая вина перед партией была определена и доказана еще летом 1957 г. на июньском пленуме ЦК^a. Были приняты соответствующие меры, которые выражались в снятии с должностей на понижение.

Первоначально окончательный удар по антипартийной группе Н.С. Хрущев планировал нанести еще на XXI съезде КПСС в 1959 г. Однако, по неизвестным нам причинам подробное публичное разоблачение антипартийцев не состоялось. На подготовленном к съезду тексте доклада Н.С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР за 1959–1965 гг.» в последний момент появляется запись: «Признано нецелесообразным давать развернутую характеристику антипартийной группы»^b. Соответственно, сам Н.С. Хрущев при чтении этого доклада только очень коротко, двумя абзацами, упомянул о всенародной поддержке июньского пленума ЦК КПСС, который разоблачил и идейно разгромил антипартийную группу^c. Несмотря на то что руководство партии не стало выходить на «большой разговор» о партийных разногласиях, больше половины депутатов при выступлении на съезде включили в свои выступления гневное осуждение антипартийной группы.

В то же время за кулисами съезда, начиная со второй половины работы партийного форума, была проделана определенная негласная работа. Выступая на пятом утреннем заседании 29 января 1959 г., первый секретарь Ленинградского обкома КПСС И.В. Спиридонов, кроме стандартного осуждения членов антипартийной группы, заявил, что ее члены должны покаяться перед съездом, особенно те, «кто еще остался в составе Центрального Комитета партии»^d. И.В. Спиридонов далее отметил, что «Булганин хоть выступил перед партией, перед народом с осуждением своей антипартийной позиции»^e. А вот кандидат в члены Президиума ЦК тов. Первухин и член ЦК тов. Сабуров за полтора года ни разу не выступили

^a См. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

^b РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170. Л. 192.

^c Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. I–II. М.: Госполитиздат, 1959. Т. I. С. 11–112 (далее – Внеочередной XXI съезд КПСС).

^d Там же. Л. 245.

^e Имеется в виду декабрьский 1958 г. пленум ЦК КПСС.

с осуждением антипартийной группы и своей роли в ней. Как же надо понимать это молчание, тт. Первухин и Сабуров, и нельзя ли потребовать от вас ответа перед съездом за ваши ошибки?»^a М.З. Сабуров и М.Г. Первухин, хотя и не были делегатами от партии, но присутствовали на съезде, а М.Г. Первухин оказался даже в президиуме съезда, что очень возмутило П.Е. Шелеста, написавшего гневную записку в президиум с вопросом о том, что там делает М.Г. Первухин, который не является членом Президиума ЦК КПСС^b. Призыв И.В. Спиридонова, поддержанный некоторыми другими выступавшими, возымел действие, и через несколько дней, которые, вероятно, понадобились для принятия решения, М.Г. Первухин (3 февраля) и М.З. Сабуров (4 февраля) выступили перед съездом со своими заявлениями^c.

Чуть раньше, 2 февраля 1959 г., через руководителей съездовских делегаций для ознакомления делегатов, но не для оглашения с трибуны, были распространены письма Л.М. Кагановича и Д.Т. Шепилова^d. Отзывы делегаций на эти письма были осуждающие, гневные. Отзывы эти не оглашались, вопрос решался за пределами широкой съездовской аудитории. Практически все делегации оценили письма как недостаточно покаянные^e, а делегация Кемеровской области сделала предложение, которое, вероятно, благостно отозвалось у руководителей партии: Д.Т. Шепилов и Л.М. Каганович не заслуживают того, чтобы о них сообщали съезду^f. В результате, разговор о преступлениях антипартийной группы был свернут. В резолюции, принятой по результатам работы съезда, будет записан типовой осуждающий действия антипартийной группы абзац^g. Вопрос затих до XXII съезда партии.

На XXII съезде еще раз состоялся «большой разговор» о членах антипартийной группы. Их вина была еще раз зафиксирована, принятые меры выражались в перекрытии для «провинившихся» партийной карьеры. Это касалось именно ядра, первого эшелона антипартийцев — В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова и Д.Т. Шепилова, т.е. тех, кто «проходил» по антипартийной группе по июньскому постановлению ЦК КПСС 1957 г.^h. Выступавшие делегаты поддержали прозвучавшее на съезде предложение об исключении членов антипартийной группы из партии.

^a РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 170. Л. 245.

^b РГАНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 13. Л. 6.

^c РГАНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 29. Л. 58–65; Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 137–145.

^d РГАНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 12. Л. 2–7, 13–16.

^e «Эти письма, по мнению делегации [Горьковской партийной организации], еще больше раскрывают омерзительное антипартийное лицо их авторов», они являются бессовестным маневром «с плохо скрытой целью запутать ЦК, партию, смазать существо фракционной борьбы антипартийной группы против партии и ее руководства, уйти от ответственности» (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 12. Л. 23).

^f РГАНИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 12. Л. 33.

^g Внеочередной XXI съезд КПСС. Т. I. С. 544.

^h В тексте партийного постановления, напечатанного в газете «Правда» 4 июля 1957 г., говорилось о «Маленкове, Кагановиче, Молотове и о примкнувшем к ним Шепилове», меры воздействия по данному постановлению предполагались для всех четверых, но название этого документа было следующим: «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.» (см. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. IX: 1956–1960. М.: Издательство политической литературы, 1986. С. 184–189).

Наказание это было скорее моральное, поскольку после июньского разгрома в 1957 г. никаких реальных возможностей для политической самореализации у них не оставалось. В то же время XXII съезд КПСС еще существенно расширил официальную платформу оппозиции, включив в нее всех тех, кто реально выступил против Н.С. Хрущева в 1957 г. (о чем тогда по тактическим соображениям говорить было нельзя): «Против ленинского курса партии выступила фракционная антипартийная группа, в которую входили В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, К.Е. Ворошилов, Н.И. Булганин, М.Г. Первухин, М.З. Сабуров и примкнувший к ним Д.Т. Шепилов»^a.

Отношение к антипартийцам было разное, и степень вины каждого из них определялась по-разному. В привилегированном, если так можно выразиться, положении находился К.Е. Ворошилов. Он не подвергся той атаке, которая обрушилась на В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и Л.М. Кагановича. Его особо выделял Н.С. Хрущев: Климента Ефремовича не исключили из партии, лично Н.С. Хрущев нашел аргументы, минимизировавшие его вину^b. Достаточно показательным в этом отношении является и то, что К.Е. Ворошилов не только присутствовал на съезде как делегат с решающим голосом, представитель московской делегации съезда, член Президиума Верховного Совета, но и входил в президиум съезда. Из заключительного слова можно предположить, что во время съезда состоялась и личная беседа К.Е. Ворошилова с Н.С. Хрущевым^c.

К.Е. Ворошилов очень хотел выступить на съезде. В материалах съезда сохранилась его записка в президиум с просьбой о выступлении^d. Вероятно, все сказанное на съезде, в том числе и вокруг его имени, очень волновало и переполняло Климента Ефремовича. На это обратил внимание в своем выступлении первый секретарь Сталинского областного комитета партии А.М. Школьников: «Нельзя не возмущаться реакцией Ворошилова^e на совершенно справедливые выступления делегатов нашего съезда, которые дают правильную политическую оценку раскольническим действиям антипартийной группы, в том числе и Ворошилова как активного участника этой группы. Несмотря на тяжелейшие преступления, совершенные Ворошиловым, Центральный Комитет партии поступил очень гуманно и великодушно, оставив его в составе ЦК, а в тот период — и в Президиуме ЦК. Ворошилову надо бы благодарить ЦК, склонив голову перед партией, просить у нее прощения за совершенные им преступления. Что касается Молотова, Кагановича и Маленкова, их надо немедленно исключить из партии. Им не место в нашей ленинской партии»^f. Слово на съезде К.Е. Ворошилов

^a XXII съезд КПСС. Т. I. С. 105.

^b См. соответствующий фрагмент о К.Е. Ворошилове в документе 1.1.2 настоящего сборника.

^c «Хочу особо сказать о Ворошилове. Он подходил ко мне, говорил о своих переживаниях» (XXII съезд КПСС. Т. II. С. 589).

^d РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 21. Л. 31.

^e Реплики К.Е. Ворошилова не сохранились в материалах съезда, несмотря на то что, будучи членом президиума съезда, вероятно, он говорил не с места (иначе его, скорее всего, не слышал бы Школьников), а из президиума. Например, все реплики Н.С. Хрущева из президиума, сделанные по ходу выступления делегатов, сохранены в стенограммах.

^f XXII съезд КПСС. Т. II. С. 410.

так и не получил, но его заявление XXII съезду, единственное из всех заявлений антипартийцев, зачитали 27 октября^a. Особое положение К.Е. Ворошилова проявилось и в том, что в резолюции XXII съезда его имя все-таки не было вписано в каноническую формулу антипартийной группы: «Съезд считает совершенно правильным и полностью одобряет принятые Центральным Комитетом решительные меры по разоблачению и идейному разгрому антипартийной группы Молотова, Кагановича, Маленкова, Булганина, Первухина, Сабурова и прикнувшего к ним Шепилова...»^b

Непосредственно присутствовали на съезде, кроме К.Е. Ворошилова, Н.А. Булганин, М.Г. Первухин, М.З. Сабуров. Их имена можно найти сначала в списке на выдачу временных удостоверений, а потом мандатов с правом совещательного голоса^c. На съезде была группа членов ЦК, которые не были делегатами съезда, но присутствовали на нем с правом совещательного голоса. Эта группа состояла из 47 человек, вот в эту группу «присутствовавших недеlegates с совещательным голосом» и входили Булганин, Первухин и Сабуров, все они прошли регистрацию по спискам в один и тот же день — 14 октября 1961 г., в этот же день большинство членов ЦК собирались на пленум, где были одобрены последние подготовительные шаги к предстоящему съезду. Списки этой группы не вошли в официально опубликованный стенографический отчет съезда.

М.Г. Первухин, М.З. Сабуров, Д.Т. Шепилов написали письма, заявления, записки в адрес съезда^d. Записки эти датированы днями работы съезда, т.е. писались под воздействием непосредственно событий, развернувшихся в те дни. В материалах XXII съезда, хранящихся в РГАНИ, кроме самих заявлений антипартийцев, нет никаких других документов, которые бы проясняли и дополняли обстоятельства их появления. Обнародованы эти письма-заявления на съезде не были. То есть высказаться лицам, представлявшим оппозицию, несмотря на потенциальное желание с их стороны публично покаяться, не дали. Был ли на съезде Д.Т. Шепилов? Он тоже писал в адрес съезда, его записки датированы днями работы съезда, но следов его непосредственного пребывания на съезде по различным спискам не прослеживается.

М.Г. Первухин, М.З. Сабуров, Д.Т. Шепилов как еще работавшие специалисты, не являвшиеся идейным ядром антипартийной группы, вероятно, рассчитывали на некоторую личную реабилитацию, надеялись на получение определенных гарантий своей рабочей карьеры. Этим, наверное, и вызвано появление их «покаянных писем». Н.А. Булганин также не был главной движущей силой антипартийной группы, к тому же в 1961 г. он был уже персональным пенсионером, и очевидно, что ни карьерные, ни какие-то другие соображения его не беспокоили, поэтому он не появился со своим личным вопросом на съезде.

^a См. документ № 2.1.2 настоящего сборника.

^b XXII съезд КПСС. Т. III. С. 221.

^c См.: Протокол № 2 заседания Мандатной комиссии XXII съезда КПСС от 18 октября 1961 г. и Протокол заседания Мандатной комиссии XXII съезда от 20 октября 1961 г. (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 85. Л. 9–12; 26–29).

^d См. документы 2.1.1–2.1.6 настоящего сборника.

Ворошилов, Булганин, Сабуров и Первухин на момент проведения съезда состояли в ЦК партии, но на съездовском голосовании по составу ЦК от 30 октября их кандидатуры не рассматривались, т.е. их не исключили из состава ЦК, но не переизбрали^а.

В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков на XXII съезде не присутствовали. Л.М. Каганович и Г.М. Маленков в 1961 г. закончили свою трудовую деятельность, вышли на пенсию. Приказ об увольнении В.М. Молотова с последней должности советского представителя при МАГАТЭ в Вене был подписан 1 июня 1962 г. Последние полгода работы в этой должности Молотов провел, скорее всего, в Москве, он имел принципиальные расхождения с политикой, осуществляемой Н.С. Хрущевым, что он неоднократно открыто высказывал в ЦК. Возможно, именно позиция В.М. Молотова, в том числе и его критика положений новой программы КПСС, вызвала спонтанное раздражение Н.С. Хрущева, что усугубило съездовский сценарий в отношении членов антипартийной группы. Во исполнение решения съезда через местные партийные инстанции В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Л.М. Каганович и Д.Т. Шепилов в течение 1961–1962 гг. были исключены из партии.

В действительности никакой стратегической опасности после 1957 г. антипартийная группа для Н.С. Хрущева и проводимого им курса уже не представляла. Меры, принятые против ее членов на XXII съезде КПСС, носили скорее демонстрационный характер. Имена антипартийцев были накрепко связаны с именем Сталина, с политикой террора и злоупотреблений, на них была возложена и закреплена персональная вина за осуществление курса на проведение массовых репрессий. Осуждение антипартийной группы на XXII съезде КПСС сыграло свою роль как наглядный пример необходимости искоренения последствий культа личности.

Албанский сюжет съезда

Впервые сюжет про взаимоотношения СССР с Албанией возникает в июле месяце 1961 г. при чтке проекта отчетного доклада в Пицунде. В тезисах доклада и в первом развернутом варианте этого фрагмента не было.

Задумывая вынести на всеобщее обозрение советско-албанские противоречия, Н.С. Хрущев рассматривал данную проблему сквозь призму собственной политики по осуждению культа личности: «...после XX съезда Албания служит примером для нас правильности решений XX съезда и осуждения культа личности и недопущения этого в дальнейшем»^б.

После диктовок в Пицунде в проекте от 16–17 сентября 1961 г. появляются обозначенные Н.С. Хрущевым моменты:

— указание на репрессии по отношению к старым членам-основателям Албанской партии труда: «Уже сейчас почти все, кто был ее основателями в период суровой борьбы албанского народа с немецкими и итальянскими фашистами, исчезли с политического горизонта Албании. Где они, что с ними стало? Многие из них были репрессированы нынешними албанскими руководителями»^с;

^а Н.А. Булганин, М.З. Сабуров и М.Г. Первухин исключались из Центрального Комитета навсегда, а К.Е. Ворошилов еще будет входить в его состав в 1966–1969 гг.

^б РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Л. 77.

^с РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 175. Л. 149.

— названы имена Кочо Ташко и Лири Белишовой, изгнанных из партии и подвергнутых репрессиям за то, «что они честно и открыто высказались в поддержку линии КПСС и Советского правительства»^a;

— упоминается «заговор», организованный несколькими гражданами Албании, с целью захвата власти «с помощью вторжения Греции, Югославии и шестого американского военно-морского корпуса»^b.

В диктовках Н.С. Хрущев несколько раз говорит о письме, с которым обратился ЦК КПСС к албанскому руководству, после того, как стало известно об аресте Л. Белишовой: «Когда мы узнали об этом, мы собрались и обсудили, обратились к вам с письмом, с просьбой, чтобы вы не делали этого, чтобы вы не казнили ее; во-первых, она женщина, мы не говорим о том, что она член Албанской партии труда и показала преданность партии и народу, ненависть к врагам албанского народа»^c — это диктовка от 24 июля. 26 сентября Н.С. Хрущев повторяет в диктовке этот момент про письмо: «Действительно, мы позволили себе обратиться с письмом в ЦК АПТ и просить, чтобы они не казнили этих людей и тем более эту женщину — члена Политбюро, к тому же она была беременна»^d. По мнению Н.С. Хрущева, письмо было расценено лидерами АПТ как проявление вмешательства во внутренние дела албанского руководства^e. Несмотря на этот рефрен, сюжет с письмом не входит ни в одну из редакций доклада. Сюжеты о репрессиях против старейших членов АПТ и про Белишеву-Ташко также исчезают в редакции от 12 октября 1961 г., а упоминание о процессе над членами заговора существует только в диктовке из Пицунды и первой ближней к ней редакции — от 16–17 сентября 1961 г.

С конца сентября 1961 г. по указанию Н.С. Хрущева Л.Ф. Ильичев, П.А. Сатюков и Ю.В. Андропов^f перерабатывают кусок, касающийся албанцев. В конце сентября, диктуя в Пицунде серию очередных корректировок текста, Н.С. Хрущев говорит об албанском вопросе как о «вставке»^g. Эта вставка вошла в редакцию от 12 октября, полностью заменив собой кусок текста про Албанию, который существовал до этого. В ней отсутствуют все выше обозначенные сюжеты, отсутствуют упоминания про «процесс», «репрессии», конкретные имена албанских коммунистов. Текст обобщает и фиксирует только общие моменты: несогласие албанского руководства с курсом на развенчание культа личности, применение лидерами АПТ осужденных на XX съезде КПСС методов террора, запугивания, репрессий, в результате чего албанское руководство встало на путь конфронтации с КПСС. Именно в таком виде (с незначительной переделкой в некоторых абзацах) текст будет зачитан на съезде и напечатан впоследствии.

При работе над частью текста о советско-албанских отношениях среди прочего прослеживается один смысловой нюанс, выпавший в окончательной редакции. Албанцы стремились подчеркнуть, что именно они крепко стоят на почве

^a Там же. Л. 149.

^b Там же. Л. 151.

^c РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 154. Л. 75

^d РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 175. Л. 207.

^e РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Л. 75.

^f См.: РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 178. Л. 154.

^g РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 178. Л. 152–154.

марксизма-ленинизма, «что они за братство с советским народом, с Коммунистической партией Советского Союза, но против [советского] руководства», которое осуждалось на IV съезде АПТ. Это вызывало особое раздражение советского руководства, которое делало основной смысловой акцент в объяснении нового курса партии именно на преемственности наследия марксизма-ленинизма, что выражалось в определении «ленинский». «Ленинский» — значит правильный, значит марксистский, значит антисталинский, значит истинно демократический. В докладе настойчиво закрепляются эти определения, антитезы. Позиция же албанцев вызывала бурную реакцию советского лидера: «...я должен сказать от нашего Центрального Комитета, албанские руководители берут на себя смелость толковать, что Коммунистическая партия Советского Союза и советский народ — это одно, а руководство Коммунистической партии, Центральный Комитет — это другое. Это наглость! Они хотят отделить и утверждать, что якобы политика, которая проводится нашим Центральным Комитетом, не есть отражение интересов нашей партии, нашего народа»^а.

При работе над вставкой об албанцах у Н.С. Хрущева прорывается и озабоченность международным аспектом этого вопроса. Растет ощущение напряженности внутри социалистического сообщества, мирный круг разрывается проблемами во взаимоотношениях с Албанией, Югославией, Китаем. Двадцатый съезд КПСС постепенно «переваривается» внутри братских партий, подготавливая точку бифуркации, давая толчок к выходу на поверхность потенциальных разногласий внутри коммунистического лагеря. Внешним проявлением этого многослойного и обусловленного множеством различных факторов процесса станет на первых порах противостояние вокруг марксистско-ленинского наследия, борьба за чистоту принципов коммунистической идеи. Ощущение возможной перегруппировки интересов внутри социалистического содружества и возможной конфронтации с «несогласными» вызывает у Н.С. Хрущева стремление предупредить этот момент, подготовиться к нему. Учитывая возможное усиление разногласий с китайцами, поддерживающими албанцев, Н.С. Хрущев диктует: «Это методы не марксизма-ленинизма, а бандитизм, от которого мы отгораживаемся и который осуждаем (так надо сказать). Мы таким путем усложним положение китайцев в защите албанцев. Они же перенесут это обязательно в какой-то международный форум. Нам нужно дать факты, почему это так получилось»^б. По поводу зарождающихся споров, кто именно стоит на верном пути, Н.С. Хрущев считает, что «история покажет, где марксизм-ленинизм и кто стоит на позициях марксизма-ленинизма...»^с.

Вынесение вопроса об албанцах на открытое обсуждение, на съезд, по мнению Н.С. Хрущева, было необходимым тактическим ходом: «...если бы мы этого не сказали на съезде, то албанские руководители, зараженные манией безрассудства, могли бы утверждать малоопытным людям, что руководители Коммунистической партии Советского Союза скрыли от своей партии разногласия, которые существуют, клевету, которую ведут против нашего Центрального Комитета руководители Албанской партии труда. Они побоялись об этом даже сказать на своем съезде. Следовательно, это

^а РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 174. Л. 74–75.

^б РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 175. Л. 208.

^с РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 185. Л. 5.

было бы наградой для таких людей, как Энвер Ходжа и Мехмед Шеху и другие»^a. Албанский вопрос потянул за собой (и Н.С. Хрущев это ощущает) раскрутку взаимоотношений с Китаем. Было необходимо удержаться на ноте взаимного диалога и как-то обозначить твердость своих позиций: «Я хотел немножко о Китае сказать, но в таком виде, чтобы не было обидно и чтобы не было видно, что они сами эту кашу заварили»^b.

Старые большевики и десталинизация

Еще в 1956 г., с самого начала антисталинской кампании Н.С. Хрущев, говоря о культе личности и негативности его последствий, неизменно делал главный акцент на уничтожении И.В. Сталиным и его подручными старых большевиков, ленинской гвардии. О массовых репрессиях, коснувшихся других, более многочисленных слоев советского народа, например крестьянства, широко не говорилось. Готовя XXII съезд, предполагая вынести на него вопрос о культе личности и антипартийной группе, партийное руководство позаботилось о поддержке съезда старыми большевиками, от имени которых на страницах советской печати было произнесено «слово старшего поколения XXII съезду КПСС» — оно было подписано 1824 старыми большевиками^c. Новый курс Н.С. Хрущева в части допустимой критики политического режима советского государства базировался на антитезе «ленинизм–сталинизм». Ленинизм в данном случае определялся как краеугольный камень, как базовая аксиома, не подвергавшаяся сомнению. Активизируя старых большевиков, Н.С. Хрущев строил линию защиты своего курса: он апеллирует к ним как к пострадавшей стороне, предлагая им стать сакральной основой сопротивления сталинизму. Во время чтения отчетного доклада Н.С. Хрущев обращается к ним непосредственно: «И сегодня мы сердечно приветствуем старую гвардию большевиков, которая в рядах ленинской партии на протяжении десятилетий вела мужественную революционную борьбу за счастье народа, за социализм. Мы горячо приветствуем славных представителей этой старой гвардии, избранных делегатами XXII съезда партии!»^d. Именно на XXII съезде была собрана когорта старых большевиков как особый кластер в депутатском корпусе съезда, чего не было на предыдущих партийных форумах, даже в 1956 г., когда была сделана только заявка на новый курс. На XXII съезде потребовалось подтверждение этого курса, а следовательно, и опора.

Из представителей старой гвардии делегатами съезда было 30 человек, что представляло примерно 0,6%^e от всего состава депутатского корпуса. Среди них можно назвать такие известные фигуры, как Л.А. Фотиеву, Ф.Н. Петрова, Е.Д. Стасову, Д.А. Лазуркину. Присутствовала на съезде, но не была делегатом О.Г. Шатуновская. От лица своих товарищей на XXII съезде выступили только Ф.Н. Петров^f и Д.А. Лазуркина^g.

^a РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 185. Л. 4.

^b РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 185. Л. 5.

^c Правда. 1961. 17 октября.

^d XXII съезд КПСС. Т. I. С. 101.

^e Справка о составе делегатов XXII съезда КПСС (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 85. Л. 3).

^f См. документ 1.2.27 настоящего сборника.

^g См. документ 1.2.35 настоящего сборника.

Записывалась на выступления и значилась в некоторых списках О.Г. Шатуновская. Старый член партии с дореволюционным стажем, репрессированная и реабилитированная, во время XXII съезда партии работала в КПК при ЦК КПСС, была активным сторонником реабилитационного процесса^a и активным сторонником лично Н.С. Хрущева. При ее живейшем участии в КПК были пересмотрены многие громкие дела 1930-х гг., в том числе открытые судебные процессы. О.Г. Шатуновская была радикальным борцом за очищение партии: так, с ее подачи в ЦК звучали вопросы о правомерности существовавшей практики раздачи «жалования» в конвертах, бесплатном пользовании госдачами, машинами, пайками.

О.Г. Шатуновская, не будучи делегатом съезда, пишет записку с просьбой о выступлении: «В Президиум Съезда. Прошу дать мне слово. Хотела бы сказать о вопросе освещения Истории Партии. О. Шатуновская (член Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС, член партии с 1916 г.)»^b. Выступление О.Г. Шатуновской значится, как минимум, в двух не до конца оформленных списках на выступление. Через какое-то время появляется повторная записка: «В Президиум Съезда. Прошу записать меня в прения по докладу т. Козлова Ф.Р. об уставе. О.Г. Шатуновская, член Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС. 27 октября 1961 г.»^c. Однако в списке под № 1 (выступления по уставу) фамилия О.Г. Шатуновской не значится^d. Слово на съезде О.Г. Шатуновская так и не получила, несмотря на ее настойчивое желание высказаться и, казалось бы, стопроцентное соответствие ее предполагавшегося выступления линии десталинизации, развернувшейся на съезде. Текст выступления О.Г. Шатуновской публикуется в настоящем сборнике^e, так как он был передан в президиум съезда и сохранился в его материалах.

Хотели выступить на съезде от имени старой ленинской гвардии и такие известные личности как Л.А. Фотиева и Е.Д. Стасова. Несостоявшееся выступление секретаря В.И. Ленина Л.А. Фотиевой, сохранившееся в материалах съезда, публикуется в настоящем сборнике^f, а вот текста с предполагавшимся выступлением Е.Д. Стасовой не сохранилось. 19 октября Е.Д. Стасова пишет в президиум съезда записку: «Прошу слова. Елена Стасова. Московская городская парторганизация. 1961 г. 19/Х. Член КПСС с 1898 г. Ленинский район»^g. Следующая записка Е.Д. Стасовой адресована М.А. Сулову: «Дорогой Михаил Андреевич. Послала в Президиум просьбу о предоставлении мне слова. Прошу перенести мне выступление, если дадите его, на доклад т. Козлова, а не по теперешним вопросам. Крепко жму руку. Ваша Елена Стасова. 1961 г. 19/Х»^h. Е.Д. Стасовой осенью 1961 г. было 88 лет, и возраст сказывался, несмотря на энтузиазм. Просьба перенести выступление с «теперешних вопросов», это с обсуждения отчетного доклада на обсуждение

^a См.: *Шатуновская О.Г.* Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская / Сост.: Д. Кутыгина, А. Бройдо, А. Кутын. La Jolla (Calif.): DAA Books, 2001.

^b Так в тексте документа; дата отсутствует (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 21. Л. 308).

^c Так в тексте документа (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 26. Л. 86).

^d РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 26. Л. 1–5.

^e См. документ 1.3.3 настоящего сборника.

^f См. документ 1.3.5 настоящего сборника.

^g РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 21. Л. 207.

^h РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 26. Л. 77.

устава КПСС, объясняется очередностью этих вопросов: устав обсуждался позднее, можно было собраться с силами. Третья записка Е.Д. Стасовой, направлена также М.А. Суслову: «Дорогой Михаил Андреевич! Очень прошу вычеркнуть меня из списка выступающих. Мне не хватает для этого сил. Ваша Елена Стасова»^a.

Развитие темы десталинизации в выступлениях на съезде

Нас интересуют те выступления на съезде, в которых говорилось о культе личности и его последствиях, об антипартийной группе. Интересующая нас тема затрагивалась отнюдь не во всех выступлениях XXII съезда.

Гости съезда

Иностранцы гости съезда выступали с приветственными словами с 19 октября по 28 октября 1961 г. Не проигнорировали факт внутрипартийной борьбы в КПСС и высказали к ней свое отношение всего четыре человека из 70 выступавших на съезде приглашенных гостей. Это — М. Торез^b (глава Компартии Франции), Я. Кадар^c (первый секретарь ЦК КП Венгрии), Т. Живков^d (первый секретарь ЦК КП Болгарии), С. Адиль^e (первый секретарь ЦК Иракской Компартии). Только они открытым текстом, хотя и очень кратко, буквально всего одним абзацем, сказали о важности и правильности разгрома «антипартийной группы» внутри КПСС, о вреде культа личности. Все эти четверо не обошли вниманием и вопрос об отношении к Албанской партии труда, к конфликту, образовавшемуся между СССР и Албанией. Все четверо поддержали Советский Союз и осудили действия Албанского руководства как раскольнические.

Особое мнение было у делегации Китая, который еще в 1956 г. выразил несогласие с формой осуждения культа личности И.В. Сталина, а в 1957 г. никак не отреагировал на борьбу с антипартийной группой, заявив, что это внутреннее дело КПСС. Не поддержал Чжоу Эньлай^f и антиалбанские выступления. Суть позиции китайских коммунистов в данном вопросе (эту позицию в какой-то степени разделяла и делегация Вьетнама) состояла в призыве к СССР как к «старшему брату», наделенному большой мудростью, помочь Албании выйти из «затруднений» и таким образом не допустить раскола в коммунистическом лагере.

В процентном отношении выступления иностранных гостей непосредственно по интересующей нас теме достаточно ничтожны, 4 человека из 70 и примерно 0,6% из всего сказанного гостями с трибуны^g. Представители братских компартий

^a РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 26. Л. 78.

^b См. документ № 1.2.4 настоящего сборника.

^c См. документ № 1.2.9 настоящего сборника.

^d См. документ № 1.2.10 настоящего сборника.

^e См. документ № 1.2.17 настоящего сборника.

^f См. документ № 1.2.3 настоящего сборника.

^g Если брать весь опубликованный текст стенографического отчета (см.: XXII съезд КПСС. Т. I–III), то выступления иностранных гостей занимают в нем 336,4 страниц, и только две из них посвящены десталинизации, т.е. чуть более полпроцента от всех этих выступлений касается непосредственно вопроса, связанного с деятельностью «антипартийной группы».

в большинстве своем предпочитали не касаться этого вопроса. Их живое и неподдельное удивление тем, что вопрос о культе и его последствиях и о партийном расколе вновь выносятся на всеобщее обсуждение, ярко демонстрируют документы третьей части сборника. В приветственных словах иностранных гостей употреблялась другая, более нейтральная, формула выражения солидарности и поддержки политики КПСС: 32 человека из 70, что составляет 46% выступавших, как правило буквально одной фразой выразили одобрение решений Московских совещаний 1957 и 1960 гг.

Делегаты съезда

Из 99 выступлений^а на съезде в 70 выступлениях прозвучала интересующая нас тема, т.е. 71% выступлений так или иначе ее коснулся. Соответственно, 29% выступлений вообще ее не затронули. Все выступления наших ораторов на съезде (по сборнику стенографического отчета) примерно составляют 1058 страниц, из них 125 страниц посвящено рассматриваемой здесь теме. Следовательно, среди всего сказанного делегатами съезда в выступлениях тема десталинизации, культа личности и партийного раскола составила примерно 12%.

Подсчитанные 29 выступлений были произнесены 27 ораторами^б: второе выступление Н.С. Хрущева (18.10.1961 г.) и первое выступление на съезде П.Н. Демичева (19.10.1961 г.) не касались темы.

Там, где в выступлениях не было сказано о культе личности, десталинизации и антипартийной группе, непременно было упомянуто о достоинствах и «великом значении» программы партии и, как правило, выражалось «целиком и полностью одобрение политической линии ЦК КПСС и его практической деятельности»^с.

Среди не говоривших о культе личности можно условно выделить несколько подгрупп. Не говорили по данному вопросу, как правило, люди, не входившие в партийную номенклатуру, — люди труда, декоративные фигуры в официальном фасаде власти, их слово на съезде сосредотачивалось в основном вокруг производственных проблем^д. Была подгруппа, состоявшая из творческой, научной интеллигенции. Вхо-

^а Количество всех выступлений определяется следующим образом. Отсеиваются приветственные слова иностранных гостей съезда, не берутся в расчет выступления по таким вопросам, как сообщения по поводу регламента, подсчета голосов, по зачитанию приветствий, заявлений, по выносу на голосования предложений, готовых резолюций, различных технических сообщений, а также реплики вне регламента. Следовательно, главным образом остаются только докладчики и выступавшие в прениях по этим докладам.

^б Выступления, не касающиеся темы: Н.С. Хрущева, П.Н. Демичева, Д.А. Кунаева, Г.И. Воронова, М.В. Келдыша, Б. Овезова, И.Г. Кэбина, А.В. Гиталова, М.И. Рожневой, В.И. Гагановой, Т. Усубалиева, В.М. Кавуна, С.П. Павлова, В.В. Грачева, В.А. Смирнова, В.В. Кротова, А.А. Кольчика, И.А. Каирова, А.А. Громько, В.Э. Дымшица, Ф.А. Табеева, Г.А. Наливайко, Г.С. Титова, Н.М. Грибачева, Б.В. Иогансона, А.Т. Твардовского, С.К. Токи, В.А. Кочетова.

^с Пример из выступления Воронова Г.И. (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. С. 361).

^д Из 8 человек этой подгруппы 7 не говорило на тему, исключение составила лишь ткачиха Савинской фабрики «Солидарность» Ю.М. Вечерова, выступавшая от Ивановской партийной организации 30 октября 1961 г. на утреннем заседании съезда. Она очень кратко коснулась обозначенной нами темы, рассказав о приезде Л.М. Кагановича в Ивановскую

дившие в нее ораторы позволили себе не касаться темы вне зависимости от своего номенклатурного положения, в большинстве случаев достаточно значимого^а. Была подгруппа ораторов, принадлежавших к партноменклатуре высокого ранга (члены ЦК без исключения, секретари ЦК различных областей и республик, министры и др.), которая сочла возможным не касаться данного вопроса^б. Еще можно выделить руководителей хозяйственного ракурса и директоров, разного профиля и уровня, профессиональная деятельность которых была сосредоточена на решении хозяйственных, экономических вопросов^в. Наконец, отдельно можно сказать о выступлении космонавта Г.С. Титова. Его трудно отнести к какой-либо группе, его профессия эксклюзивна для своего времени — он космонавт, и выступление его определяется только координатами его профессионального опыта, само существование которого являлось проявлением совокупного достижения граждан всей страны^д.

Выделяется среди ораторов и группа, говорившая по интересующей нас теме общими штампами, несколькими словами, т.е. достаточно формально^е. В случае формального выступления после нескольких строк по теме оратор, как правило, выражал свое одобрение программе и уставу партии и переходил к «хлебу насущному», к хозяйственным, производственным вопросам. Несколько таких выступлений публикуются в настоящем сборнике для целостного представления о съезде.

Те, кто говорил неформально

42 выступления были достаточно распространенными и креативными. Из этих же выступлений нужно выделить группу, которая была ударным костяком, неким плацдармом, с которого было поддержано и развито начальное «слово о культе», произнесенное Хрущевым. Выступления ораторов из этой группы,

область: этот эпизод занял примерно 10 % ее речи, посвященной в основном производственным проблемам. Остальные же в этой группе говорили о «своем наболевшем»: А.В. Гиталов, М.И. Рожнева, В.И. Гаганова, В.М. Кавун, В.В. Грачев, В.А. Смирнов, А.А. Кольчик.

^а В эту подгруппу входят: М.В. Келдыш, Б.В. Иогансон, А.Т. Твардовский, В.А. Кочетов, Н.М. Грибачев, И.А. Каиров. Исключениями в этой группе стали писатель М.А. Шолохов и академик Н.Н. Семенов, интересующая нас тема в их выступлениях заняла соответственно 5,5 и 2 %, в части поддержки и развития темы десталинизации на съезде это не были креативные и яркие выступления.

^б Д.А. Кунаев, Г.И. Воронов, Б. Овезов, И.Г. Кэбин, Т.У. Усубалиев, С.П. Павлов, С.К. Тока, Ф.А. Тадеев, А.А. Громько.

^в В.Э. Дымшиц, Г.А. Наливайко, В.В. Кротов.

^д Нужно сказать, что на съезде присутствовал и член московской городской партийной организации, летчик-космонавт, первый космонавт Земли Юрий Алексеевич Гагарин. Таким образом, группа космонавтов-участников съезда состояла из двух человек, реально на тот момент побывавших на орбите. Вероятно, Ю.А. Гагарин присутствовал не на всех заседаниях съезда, так, регистрация основных участников-депутатов проходила 13–14 октября, а у Ю.А. Гагарина — только 24 октября 1961 г.

^е А.Ф. Горкин, Ш.Р. Рашидов, В.П. Мжаванадзе, В.Ю. Ахундов, Д. Расулов, В.Н. Титов, Г.И. Воробьев, М.А. Шолохов, А.Я. Пельше, Г.Г. Абрамов, З.Н. Нуриев, Ф.Н. Петров, Н.Н. Семенов, В.А. Кучеренко, М.Т. Ефремов, М.А. Ольшанский, И.П. Казанец, В.С. Толстиков, Ф.И. Голиков, О.П. Колчина, В.Е. Чернышев, А.В. Басов, А.В. Георгиев, А.И. Шибаев, П.А. Леонов, Ф.С. Горячев, С.Н. Щетинин, В.И. Губанов.

непосредственной поддержки Хрущева, были достаточно эмоциональными, содержали более информативные сообщения о деятельности антипартийной группы или временах культа личности, часто — конкретные примеры внеправовых действий власти, которые были почерпнуты из личной практики, часто благодаря близости к партийной верхушке. Тема культа личности в выступлениях этих ораторов составляет от 10–12% и более, тогда как в остальных случаях процент темы не дотягивал до 10% выступления. Итак, к группе поддержки Хрущева на съезде, выступившей с активным развитием темы осуждения культа личности, действий антипартийной группы и инициативой дальнейшей десталинизации, можно отнести следующих делегатов съезда:

1. Хрущев Н.С. (I выступление(17.10.1961 г.) — 9,4% по теме; III выступление — 42% по теме)
2. Подгорный Н.В. (24%; 100%)
3. Спиридонов И.В. (14%; 100%)
4. Фурцева Е.А. (28%)
5. Микоян А.И. (21%)
6. Полянский Д.С. (13%)
7. Игнатов Н.Г. (33%)
8. Ильичев Л.Ф. (58%)
9. Шверник Н.М. (38%)
10. Сатюков П.А. (70%)
11. Шелепин А.Н. (41%)
12. Поспелов П.Н. (50%)
13. Сердюк З.Т. (40%).

Ораторы, входившие в группу поддержки, все без исключения — члены ЦК КПСС. Большинство из них были либо членами Президиума, либо кандидатами в члены Президиума, или входили в Секретариат ЦК КПСС, т.е. партийная карьера для них на тот момент состоялась^а и имела дальнейшие перспективы. На съезде все они также входили в органы руководства съездом^б.

Интересно также заметить, что практически все ораторы, входившие в группу поддержки курса на развенчание культа личности, получили голоса «против» при голосовании о вхождении в состав Центрального Комитета партии. Это голосование проходило 30 октября 1961 г. Получить голос «против» на таком мероприятии — это совсем не смертельно, все получившие в нашем случае «противные голоса» оказались в составе Центрального Комитета, но это достаточно чувствительный удар для имиджа, самоощущения депутата, поскольку все кандидаты при голосовании, как правило, проходили единогласно. Случаев «забаллотировок» советская система

^а Членами Президиума были — Н.В. Подгорный, Е.А. Фурцева, А.И. Микоян, Д.С. Полянский, Н.Г. Игнатов, Н.В. Шверник; А.Н. Шелепин был членом Секретариата ЦК КПСС, а П.Н. Поспелов был кандидатом в члены Президиума.

^б В Президиум съезда входили: Н.В. Подгорный, И.В. Спиридонов, Е.А.Фурцева, Н.М.Шверник, А.И. Микоян, Д.С. Полянский, Н.Г. Игнатов. В Редакционной комиссии были: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Поспелов, П.А. Сатюков. В Секретариате съезда был З.Т. Сердюк.

не знала, работало правило, что, если кандидат внесен в списки, значит, он проходит, зачастую и голосование происходило посписочно. Поэтому, конечно, поданные в нашем случае голоса «против» обращают на себя внимание, заставляют задуматься. Этим дисбалансом, вероятно, объясняется и эмоциональная реакция Хрущева, когда он обратил внимание, хоть и в шутку, но все-таки с внутренним удивлением, что кто-то подал голос против него, стоящего на гребне мощного движения, влекущего вперед всю страну, сметая преграды и досадные неразумения на своем пути^а.

Вся группа депутатов, получивших «против» на съездовском голосовании — это 26 человек^б. Все они сторонники хрущевского курса на десталинизацию, все выступали на съезде с осуждением культа личности, в поддержку Хрущева. Из них уже, в свою очередь, можно указать на более узкую группу в восемь человек^с, составляющее большинство в вышеназванной «группе поддержки» курса на десталинизацию. То есть основные сторонники Хрущева и, соответственно, проводимого им курса на развенчание культа личности получили «странные», так скажем, на фоне всеобщего единогласного голосования отметины в виде голосов «против».

Таким образом, из 99 выступлений^д на съезде 29 выступлений вообще не касались интересующей нас темы — вопроса о культе личности и его последствиях, об антипартийной группе, 42 выступления были достаточно распространенными и креативными. Отметим корреляцию списков депутатов, получивших «против» на голосовании по вхождению в ЦК, со списками группы активной поддержки Н.С. Хрущева в вопросе о десталинизации. При этом нужно помнить, что вообще среди всего сказанного делегатами съезда в выступлениях и докладах тема десталинизации, культа личности и партийного раскола составила всего примерно 12 %.

Перезахоронение Сталина

Кульминацией развития темы десталинизации на съезде стало принятие решения о выносе тела И.В. Сталина из Мавзолея. Эта инициатива развивалась за кулисами съезда. Документов, показывающих, как было принято внутреннее решение в ЦК по этому вопросу, в фондах РГАНИ не обнаружено. По имеющимся у нас документам можно отследить развитие этой идеи уже в более или менее оформленном виде.

^а См. документ № 1.1.3 настоящего сборника.

^б 26 депутатов, получивших голоса «против» в ходе голосования 30 октября 1961 г. (от 1 до 7 голосов «против»): А.И. Аджубей, А.Б. Аристов, Г.И. Воронов, В.И. Гаганова, С.Г. Горшков, Г.А. Денисов, А.Ф. Засядько, Л.Ф. Ильичев, Ф.Р. Козлов, А.Е. Корнейчук, А.Г. Крылов, В.П. Мжаванадзе, А.И. Микоян, Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский, Пономарев Б.Н., Сагюков П.А., Сердюк З.Т., Снечук А.Ю., Суслов М.А., Федосеев П.Н., Фурцева Е.А., Н.С. Хрущев, А.П. Шитиков, А.П. Школьников, М.А. Яснов.

^с Н.С. Хрущев, Н.В. Подгорный, Е.А. Фурцева, А.И. Микоян, Д.С. Полянский, Л.Ф. Ильичев, Н.М. Шверник, З.Т. Сердюк.

^д Причина, по которой учитываются не докладчики, а «выступления», состоит в том, что некоторые докладчики говорили дважды, причем одно из выступлений могло вообще не касаться темы, а другое быть полностью посвящено интересующему нас вопросу.

28 октября 1961 г., в субботу, закончилась очередная рабочая неделя съезда. Завершая заседание, председательствующий В.В. Щербицкий напомнил, что следующее состоится в понедельник, 30 октября 1961 г. Депутаты разошлись на воскресный отдых. А в понедельник заседание началось с неожиданного предложения председательствующего Н.М. Шверника дать слово представителям делегаций: «В Президиум съезда от некоторых делегаций поступили просьбы^a предоставить им слово. Президиум счел возможным удовлетворить эти просьбы»^b.

Слово предоставили И.В. Спиридонову — первому секретарю Ленинградского обкома КПСС, который от имени коммунистов Ленинграда предложил вынести тело И.В. Сталина из Мавзолея. Это предложение было поддержано в последующих выступлениях П.Н. Демичевым^c, Г.Д. Джавахишвили^d, Д.А. Лазуркиной^e. А выступивший после Д.А. Лазуркиной Н.В. Подгорный^f предложил депутатам уже готовый проект постановления съезда о выносе из Мавзолея тела И.В. Сталина. Тут же было проведено голосование, результат которого был легко предсказуем — единогласно^g. Далее началось обсуждение доклада Ф.Р. Козлова об изменениях в партийном уставе, но все выступавшие в нескольких словах обязательно сообщали, что они поддерживают только что состоявшееся решение о Мавзолее.

Решением ЦК КПСС от 31 октября 1961 г.^h были оформлены некоторые технические вопросы предстоящего мероприятия: образована комиссия по перезахоронению из пяти человек во главе со Н.М. Шверником, определено место захоронения — около Кремлевской стены, подробности процедуры. 31 октября утром решение съезда о выносе тела И.В. Сталина из Мавзолея было опубликовано в газете «Правда». Само перезахоронение состоялось поздно вечером 31 октября 1961 г. На нем присутствовали все члены комиссии. Однако, по некоторым воспоминаниям, на процедуре перезахоронения не было В.П. Мжаванадзе, который 30 октября, вскоре после голосования по данному вопросу, покинул зал заседаний и улетел в Грузиюⁱ. В мероприятии принимали участие также К.А. Мошков — комендант Мавзолея, некоторые сотрудники комендатуры Кремля, Ф.Т. Конев — командир Кремлевского полка, несколько солдат и офицеров из этого полка^j, выполнявшие технические работы, А.Я. Веденин — комендант Кремля, Н.С. Захаров — начальник Девятого управления КГБ, научные сотрудники Мавзолея, проводившие в свое

^a В материалах съезда не сохранились записки с просьбой о выступлении представителей делегаций.

^b XX съезд КПСС. Т. III. С. 114.

^c См. документ 1.1.36 настоящего сборника.

^d См. документ 1.1.37 настоящего сборника.

^e См. документ 1.1.38 настоящего сборника.

^f См. документ 1.1.39 настоящего сборника.

^g РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 111. Л. 25.

^h См. документ 2.3.1 настоящего сборника.

ⁱ См. *Мурзи В.* Вторые похороны Сталина // Аргументы и Факты. 2000. № 48 (1049). 29 ноября.

^j Несколько солдат Кремлевского полка непосредственно рыли могилу. Н.В. Берлев — бывший разводящий на посту № 1 оставил небольшие воспоминания об этом событии (См.: *Филатов А.* Перезахоронение Сталина // Спецназ России. 2010. № 3 (163). Март).

время работы по бальзамированию. В Кремле после процедуры был подписан акт о совершенном перезахоронении. В документах РГАНИ, в материалах к постановлению Президиума ЦК КПСС, сохранилась только записка от имени «т.т. Шверника, Демичева, Джавахишвили, Дыгая, Мжаванадзе, Шелепина» (без подписей), сообщавшая о факте произведенного перезахоронения 31 октября 1961 г.^a 1 ноября 1961 г. в газетах появилось сообщение: «Во исполнение постановления XXII съезда гроб с телом И.В. Сталина перенесен из Мавзолея Владимира Ильича Ленина к Кремлевской стене»^b.

Программа и устав партии

Вопрос о культе личности нашел свое отражение и в новых программных документах КПСС, которые были тщательно разработаны в течение нескольких лет до съезда, прошли стадию всенародного обсуждения и одобрения. Именно принятию новой программы и устава был, по замыслам, и посвящен XXII съезд партии. Новая программа должна была стать документом эпохи, по которому нужно было «сверять часы» в течение по крайней мере ближайших 20 лет.

В проекте программы в мае 1961 г. вопрос о культе личности оговаривался во второй части, в пункте VII под названием «Партия в период развернутого строительства коммунизма». В нем речь шла об утверждении ленинских норм партийной жизни и принципа коллективности руководства в партии как основного «закона жизни партии»^c. Культ личности отрицался на основании того, что он противоречит ленинским нормам: «Ленинские принципы партийной жизни несовместимы с культом личности и связанными с ним нарушениями коллективного руководства, внутривнутрипартийной демократии и социалистической законности. Культ личности подрывает связи партийных и государственных руководителей с массами, сковывает развитие идейной жизни партии и творческую активность трудящихся»^d. Эти положения проекта практически без изменений перешли в окончательную редакцию программы партии, структурно соответствуя проекту — в седьмом пункте второй части, где говорилось о практических задачах партии по построению коммунизма. Чтобы «исключить возможность сосредоточения власти в руках отдельных работников и предотвратить случаи выхода их из-под контроля коллектива», партия предлагала некоторые меры:

а. систематическое обновление в определенных пропорциях состава всех выборных органов партии — от первичных организаций до ЦК,

б. расширение применения принципа выборности, а не назначения, во всех организациях снизу доверху,

в. усиление роли партийных форумов (собраний, конференций и т.д.),

г. сокращение платного партийного аппарата,

д. всемерное развитие критики и самокритики»^e.

^a См. [Приложение 2] к документу 2.3.1 настоящего сборника.

^b Правда. 1961. 1 ноября.

^c РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 15. Л. 171.

^d Там же. Л. 172.

^e XXII съезд КПСС. Т. III. С. 331–332.

Изменения в новом уставе в связи с вопросами культа личности и осуждения антипартийной группы были отражены в новых редакциях некоторых параграфов устава. Оговоренный в программе принцип сменяемости всех выборных органов партии был конкретизирован в § 25 устава: «При выборах партийных органов соблюдается принцип систематического обновления их состава и преемственности руководства. На каждых очередных выборах состав Центрального Комитета КПСС и его Президиума, состав ЦК компартий союзных республик обновляется не менее, чем на одну четвертую часть; состав крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов партии — на одну треть; парткомов или бюро первичных партийных организаций — наполовину. Секретари первичных партийных организаций могут избираться подряд не более, чем на два созыва. Те или иные деятели партии, в силу их признанного авторитета, высоких политических, организаторских и других качеств, могут быть избраны в руководящие органы и на более длительный срок. В этом случае соответствующий кандидат считается избранным при условии, если за него при закрытом (тайном) голосовании подано не менее трех четвертей голосов. Члены партии, выбывшие из состава руководящего партийного органа в связи с его обновлением, могут быть вновь избраны при последующих выборах».

Уроки, вынесенные из политической борьбы с противниками, отпечатывались новыми формулировками устава. Попытка смещения Н.С. Хрущева антипартийной группой в 1957 г. и опыт сопротивления «заговорщикам», вероятно, привели к рождению и новой формулировки § 26 устава партии: «Вопрос о выводе члена, кандидата в члены ЦК КПСС, ЦК компартии союзной республик, крайкома, обкома, окружкома и горкома, райкома партии из состава партийного комитета решается на пленуме соответствующего комитета путем закрытого (тайного) голосования. Решение считается принятым, если за него проголосует не менее двух третей членов данного комитета. Исключение членов ревизионных комиссий партийных организаций из состава комиссий решается на заседаниях соответствующих комиссий в порядке, предусмотренном для членов и кандидатов в члены партийных комитетов».

Осуждению практики создания фракционных групп и внутрипартийной борьбы был посвящен достаточно пространственный § 27 нового устава. Фракционности был противопоставлен принцип свободной, открытой дискуссии в партии: «Свободное и деловое обсуждение вопросов партийной политики в отдельных организациях или партии является неотъемлемым правом члена партии и важным принципом внутрипартийной демократии. Только на основе внутрипартийной демократии может быть развернута критика и самокритика и укреплена партийная дисциплина. В рамках отдельных организаций или партии в целом возможны дискуссии по спорным или недостаточно ясным вопросам. Общепартийная дискуссия является необходимой, если а) эта необходимость признается несколькими партийными организациями областного, республиканского масштаба; б) если внутри ЦК нет налицо достаточно твердого большинства в важнейших вопросах партийной политики; в) если ЦК КПСС признает необходимым посоветоваться со всей партией по тем или иным вопросам политики. Широкая дискуссия, особенно дискуссия всесоюзного масштаба по вопросам партийной политики, должна проводиться так, чтобы обеспечивалось свободное выявление взглядов членов партии

и исключалась возможность попыток образования фракционных группировок, ломающих единство партии, попыток раскола партии».

Программу партии на съезде представлял Н.С. Хрущев — его доклад по этому вопросу был прочитан 18 октября 1961 г. на утреннем и вечернем заседаниях. Обсуждение новой программы было слито с обсуждением отчетного доклада и заняло достаточно продолжительное время — до 27 октября включительно. Доклад Ф.Р. Козлова об изменениях в уставе был прочитан 28 октября 1961 г. Обсуждения на съезде программы и устава носило подчеркнуто одобрительный, позитивный характер. Практически в каждом выступлении было сказано несколько слов благодарности, восхищения и чистосердечного одобрения новым партийным документам.

Принятие новых партийных документов — это практический выход из того разговора о культе, который получился на съезде, это принятие в понимании партийных функционеров неких «законодательных» мер по пресечению и недопущению той порочной и губительной для развития страны и партии практики, которая и была осуждена на съезде.

* * *

Разговор на съезде о культе личности, об «окончательном разоблачении антипартийной группы», о настораживающих тенденциях в отношениях СССР с Албанией состоялся. Это был единый комплекс проблем, вырвавшихся наружу после обнародования Н.С. Хрущевым доклада о культе личности на XX съезде партии. Несмотря на то что по времени этот разговор на съезде занял небольшую часть, именно эта работа была признана в Резолюции по Отчетному докладу «важнейшей стороной деятельности партии за отчетный период»^а. Действия антипартийной группы, вызванные генеральным изменением политики партийного руководства, усугубившиеся некоторыми личностными проявлениями Н.С. Хрущева, стали показательным примером для необходимости углубления политики десталинизации. Расширительным фоном разговора о правильности выбора, сделанного на XX съезде партии, стал вопрос об обострении советско-албанских отношений. Решениями, проведенными через съезд, партийное руководство продемонстрировало свое внутреннее единство в выбранных координатах политического курса. Депутаты единогласно проголосовали за политику десталинизации по всем предлагавшимся в этом направлении решениям. Оппозиция внутри партии была разгромлена. Действия руководства АПТ подверглись резкому осуждению со стороны большинства представителей дружественных КПСС зарубежных партий. XXII съезд сыграл свою консолидирующую роль в закреплении политики десталинизации.

Особенность ситуации на тот момент состояла в том, что собственно альтернативы реальным изменениям в практике государственного руководства не было. Во-первых, антисталинский ракурс был выгодным политическим курсом — отрицание старого, как по марксистской формуле, приводило к рождению нового и продвижению вперед. Еще со времен взлета и падения Л.П. Берии стало понятно, что эффективно прорваться к власти можно, только совершив резкий зигзаг в сторону от того, что было. В партии поняли, что отказом от методов старого

^а XXII съезд КПСС. Т. III. С. 220.

руководства, осуждением пороков старой партийной и государственной практики, можно не только попробовать добиться эффективности в управлении и функционировании государства, но резко «обставить» конкурентов на пути к власти, заставить их замолчать или даже убрать физически (такая участь постигла только Л.П. Берию). Старые досье с компрометирующими материалами, собранные, как говорили в кулуарах партийной верхушки, на каждого, могли сослужить хорошую службу при «правильной» постановке дела. Кто возглавит борьбу против культа личности, тот будет обладателем этого «секретного оружия», сила которого была очевидна. Компрометирующего материала было достаточно, поэтому противники курса сразу же обвинялись в причастности к кровавым преступлениям и оказывались дискредитированными. Во-вторых, коренным образом отличались ситуация довоенного и послевоенного развития. Всеми ощущалась, а многими и осознавалась необходимость изменения методов, схем руководства страной. Ситуация необходимости реформ назревала и была объективной. Поэтому никаких альтернатив собственно изменениям не было, но у всех было свое видение направлений будущего движения, его акцентов, темпов и нюансов исполнения. Однако разнонаправленность всех оппозиционных настроений никак не складывала вектор, способный изменить генеральное направление движения. Поэтому, убрав в дальнейшем Н.С. Хрущева, поссорившись с Китаем и Албанией, советское руководство, а вслед за ним и руководство большинства социалистических стран общих лозунгов десталинизации не изменило. Лагерь сталинистов (а они, в свою очередь, были тоже все очень разные) оставался всегда маргинальным и, так скажем, подпольным. Он отражал скорее перманентное недовольство внутри правящей верхушки, с одной стороны, и широких народных масс — с другой, методами текущей политики. Живучесть десталинизации доказало впоследствии и развитие событий во времена перестройки. Ее координаты и направление развития, заданные Н.С. Хрущевым, были только углублены при М.С. Горбачеве и его преемниках. Десталинизация оказалась одним из немногих пунктов партийной программы, принятой на XXII съезде КПСС, которая пережила саму программу «построения коммунизма в СССР». В этом отношении Н.С. Хрущев был прав, когда говорил о решениях XXII съезда КПСС как о переломе внутреннего режима партии.

Т.Ю. Конова

Раздел 1.
XXII СЪЕЗД

1.1.

«ЧТО БЫЛО БЫ С ПАРТИЕЙ И СТРАНОЙ, ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛ ОСУЖДЕН КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ...?»

№ 1.1.1.

Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXII съезду партии

17 октября 1961 г.
2-е заседание,
вечернее

Председательствующий КОЗЛОВ Ф.Р.

Появление членов Президиума съезда встречается бурными продолжительными аплодисментами^а.

Председательствующий тов. Козлов. Возобновляем работу съезда. Слово имеет товарищ Хрущев^б.

[...]^д Товарищи! Восстановление и дальнейшее развитие ленинских норм партийной жизни и принципов руководства — важнейшая сторона деятельности нашей партии за отчетный период. XX съезд, осудив чуждый духу марксизма-ленинизма культ личности, открыл широкий простор творческим силам партии и народа, способствовал расширению и упрочению связей партии с массами и повышению ее боеспособности¹.

^а В официально опубликованных материалах XXII съезда КПСС (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. I–III. М.: Госполитиздат, 1969; далее — Стенографический отчет) предложение выделено жирным шрифтом и дано в следующей редакции: «Появление членов Президиума съезда и руководителей делегаций зарубежных коммунистических и рабочих партий встречается бурными, продолжительными аплодисментами» (Стенографический отчет. Т. I. С. 93).

^б В Стенографическом отчете представление Ф.Р. Козлова «Слово имеет товарищ Хрущев» заменено на прямую речь Н.С. Хрущева: «Продолжаю доклад» (Стенографический отчет. Т. I. С. 92).

^с Во время второго, вечернего заседания съезда Н.С. Хрущев продолжил начатое на утреннем заседании чтение Отчетного доклада. Опушена часть текста документа, содержащая второй раздел доклада («Перерастание социалистических общественных отношений в коммунистические. Развитие советской демократии. Социализм и свобода личности») и начало третьего раздела («Ленинская партия — организатор борьбы за победу коммунизма»).

^д В Стенографическом отчете перед данным абзацем идет структурное разделение текста — вставлен подзаголовок с номером, выделенный жирным шрифтом: «1. Преодоление последствий культа личности. Развитие ленинских норм партийной жизни и принципов руководства. Повышение боеспособности партии» (Стенографический отчет. Т. I. С. 102).

Накануне XX съезда вопрос стоял так: или партия открыто, по-ленински смело осудит порожденные^а в период культа личности Сталина ошибки и извращения, отвергнет те методы партийного и государственного руководства, которые стали тормозом для движения вперед, или в партии возьмут верх силы, цеплявшиеся за старое, сопротивлявшиеся всему новому, творческому. Именно так остро был поставлен вопрос.

Была ли необходимость столь резко и так откровенно критиковать крупные ошибки и тяжелые последствия, связанные с культом личности?

Да, такая необходимость была. После разоблачения матерого врага и авантюриста Берия², в результате тщательного анализа и глубокого изучения ряда документов перед Центральным Комитетом во всей полноте раскрылись факты грубейших нарушений социалистической законности, злоупотребления властью, факты произвола и репрессий против многих честных людей, в том числе против видных деятелей партии и Советского государства^б.

Центральный Комитет, глубоко сознавая ответственность перед партией и народом, не мог стать на путь сокрытия или замазывания ошибок и извращений, имевших место в прошлом. Следуя ленинским заветам, Центральный Комитет решил сказать правду о злоупотреблениях властью в период культа личности. Это было внутренней моральной потребностью и обязанностью партии, ее руководства. Это было правильное решение. Оно имело громадное значение для судеб партии, для строительства коммунизма. (*Продолжительные аплодисменты*).

Владимир Ильич Ленин призывал партию не скрывать ошибок, а открыто критиковать и исправлять их. «Отношение политической партии к ее ошибкам, — писал он, — есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле^с ее обязанностей к своему классу^д и к трудящимся массам^е.

^а В редакции доклада от 12 октября 1961 г. рукой Н.С. Хрущева внесена правка: слово «порожденные» вычеркнуто и заменено на вписанное над строкой слово «допущенные» (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 108). Однако в направленной стенограмме выступления Н.С. Хрущева на съезде и в Стенографическом отчете отражен ранее зафиксированный вариант — «порожденные».

^б В Стенографическом отчете отсутствует разбивка предыдущей части текста на абзацы (Стенографический отчет. Т. I. С. 102). Также отсутствовала разбивка на абзацы и в редакции доклада от 29 сентября 1961 г. (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 117). В этой же редакции часть второго предложения абзаца, первоначально звучавшая как «раскрылись факты грубейших нарушений социалистической законности, произвола и репрессий» (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 117), была изменена при редактировании доклада 12 октября 1961 г.

^с В Стенографическом отчете слова «на деле» выделены жирным шрифтом (Стенографический отчет. Т. I. С. 103). В авторском экземпляре и в редакции доклада от 29 сентября 1961 г. слова «на деле» подчеркнуты машинописно (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 197; Д. 4. Л. 117).

^д В Стенографическом отчете слово «классу» выделено жирным шрифтом (Стенографический отчет. Т. I. С. 103). В авторском экземпляре и в редакции доклада от 29 сентября 1961 г. слово «классу» подчеркнуто машинописно (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 197; Д. 4. Л. 117).

^е В Стенографическом отчете слово «массам» выделено жирным шрифтом (Стенографический отчет. Т. I. С. 103). В авторском экземпляре и в редакции доклада от 29 сентября

Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это воспитание и обучение класса^а, а затем и массы^б». (*Продолжительные^с аплодисменты*).

Что было бы с партией и страной, если бы не был осужден культ личности, не преодолены его вредные последствия и не восстановлены ленинские принципы партийной и государственной деятельности? Это грозило бы отрывом партии от масс, от народа, серьезными нарушениями советской демократии и революционной законности, замедлением экономического развития страны, снижением темпов коммунистического строительства, а, следовательно, и ухудшением благосостояния трудящихся^д.

В области международных отношений это привело бы к ослаблению позиций Советского Союза на мировой арене, к ухудшению отношений с другими странами, что было чревато серьезными последствиями. Вот почему критика культа личности и преодоление его последствий имели огромное политическое и практическое значение. (*Аплодисменты*).

Марксизм-ленинизм всегда^е осуждал любое проявление культа личности, считал его чуждым духу пролетарского революционного движения, чуждым духу коммунизма. Маркс, Энгельс, Ленин видели в народе подлинного творца истории, они подчеркивали руководящую и организующую роль партии рабочего класса. Марксизм-ленинизм не отрицает важной роли лидеров и вождей рабочего класса, но он решительно выступает против возвеличения, а тем более против обожествления тех или иных личностей. Возвеличение одной личности неизбежно отодвигает на задний план народ и партию, принижает их роль и значение.

1961 г. слово «массам» подчеркнуто машинописно (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 197; Д. 4. Л. 117).

^а В Стенографическом отчете слово «класса» выделено жирным шрифтом (Стенографический отчет. Т. I. С. 103). В авторском экземпляре и в редакции доклада от 29 сентября 1961 г. какое-либо выделение слова «класса» отсутствует (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 197; Д. 4. Л. 117).

^б В Стенографическом отчете слово «массы» выделено жирным шрифтом (Стенографический отчет. Т. I. С. 103). В авторском экземпляре и в редакции доклада от 29 сентября 1961 г. какое-либо выделение слова «массы» отсутствует (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 197; Д. 4. Л. 117).

^с В Стенографическом отчете слово «продолжительные» отсутствует и добавлена ссылка на работу В.И. Ленина: «Соч., т. 31, стр. 39 [В.И. Ленин. Собрание сочинений. Издание четвертое. Т. 31. С. 39]» (Стенографический отчет. Т. I. С. 103). Эта же ссылка есть и в редакции доклада от 29 сентября 1961 г. (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 117).

^д В Стенографическом отчете отсутствует разбивка на абзацы (Стенографический отчет. Т. I. С. 103). Также отсутствует разбивка на абзацы в авторском экземпляре и в редакции доклада от 29 сентября 1961 г. (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 198; Д. 4. Л. 117).

^е В Стенографическом отчете после слова «всегда» вставлено слово «сурово» (Стенографический отчет. Т. I. С. 103). Это же слово вставлено в авторском экземпляре и в редакции доклада от 29 сентября 1961 г. (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 198; Д. 4. Л. 118).

Советский народ своим трудом и героической борьбой под руководством партии добился больших успехов в социалистическом строительстве. Он одержал выдающуюся победу в Великой Отечественной войне против фашизма. Но, как вы помните, все успехи и победы партии и народа приписывались в период культа личности одному человеку. Конечно, Сталин имел большие заслуги перед партией и коммунистическим движением, и мы отдаем ему должное. Однако неправильно все победы партии и народа связывать с именем одного человека. Это было грубым извращением истинного положения дел. (*Аплодисменты*).

XX съезд восстановил справедливость, устранил извращение и показал великую роль народа, роль партии, как авангарда рабочего класса и всего народа, как руководящей и направляющей силы в борьбе за коммунизм. Съезд поручил Центральному Комитету последовательно осуществлять мероприятия, которые обеспечили бы полное преодоление культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципа коллективности руководства, выработанных Владимиром Ильичом Лениным^{3а}.

В своей принципиальной и резкой критике культа личности наша партия исходила из указаний Владимира Ильича Ленина, из его завещания. Известно, что Ленин ценил Сталина, но и видел его недостатки и даже пороки. Проявляя заботу о судьбах партии и Советского государства, Владимир Ильич в декабре 1922 года, то есть вскоре после избрания Сталина генеральным секретарем ЦК, в письме на имя очередного съезда партии писал: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью... Сталин слишком груб и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях, между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.»⁴

Как видите, Владимир Ильич Ленин хорошо понимал, что отрицательные качества Сталина могут нанести большой ущерб партии и государству. К сожалению, предостережение Ленина и его советы своевременно не были учтены, и в результате партии и стране пришлось пережить немало трудностей, порожденных культом личности. На XX съезде партия раскритиковала культ личности. Выполняя решения съезда, она преодолела извращения и ошибки и наметила меры, которые исключали бы в будущем возможность повторения подобных явлений. Это было мужественное решение, оно явилось^b аттестатом политической

^a В Стенографическом отчете после данного абзаца вставлено: «(*Продолжительные аплодисменты*)» (Стенографический отчет. Т. I. С. 104).

^b В Стенографическом отчете перед словом «аттестатом» вставлено слово «новым» (Стенографический отчет. Т. I. С. 104). В авторском экземпляре это слово также есть, слева от него на полях стоит знак «галочка» (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 200). В редакциях доклада от 29 сентября и 12 октября 1961 г. слово «новым» отсутствует (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4. Л. 119; Д. 5. Л. 111).